ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

№ 50 (2433) | Среда, 23 июня 1948 г. | Цена 40 коп.

Советский характер

Прошло семь лет с того памятного воскресного дня — 22 июня 1941 года, — когда над нашей землей, над ее городами и весями, над всем, что мы создали, над самой жизнью Отечества и над свободой детей и внуков нависла смертельная угроза. Вождь и учитель советского народа — товарищ Сталин, возглавивший борьбу с вторгшимися фашистскими ордами, сказал: «Дело идет... о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение».

Так понял смысл войны весь народ.

Ни один народ мира не испытал в этой войне, а, пожалуй, и во всей прошлой истории таких варварских разрушений своих исторических и культурных ценностей, своего богатства и достояния, как советский народ-исполин!

Нужна была особая, наша прочность, чтобы вынести тяжесть такого испытания. Пылало колхозное добро. Летели в воздух заводы Брянска, Харькова, соборы Новгорода, дворцы Гатчины, погибали сады Полтавы и Смоленска. Мы выдержали это испытание, в этом сказались прочность социалистического строя, мощь его экономики, могущество жизненных устоев нашей страны.

Понадобилась особая, наша стойкость, чтобы выстоять под ударами фашистских танковых армий. У каждого города — у Киева и Вязьмы, у Одессы и Тулы, у Севастополя и Ленинграда — разгоралась и бушевала ожесточенная битва. Поразительный смысл этих яростных сражений стал особенно ясен, когда, осуществляя сталинский план, советские войска зимой 1941 года перешли в мощное контрнаступление под Москвой. В противотанковых рвах под Москвой были погребены молниеносные планы новоявленных покорителей мира.

Мы были одни — лицом к лицу—против вооруженной до зубов гитлеровской армии. Щедро финансируемая американскими капиталистическими магнатами, гитлеровская Германия пыталась осуществить сатанинский план всего капиталистического мира: план уничтожения единственной в мире страны социализма. Сегодня все тайное стало явным. Опубликованы документы. Громко прозвучали на весь мир обвинительные голоса честных свидетелей и очевидцев. Сегодня всем простым людям мира ясно, что американских и немецких гангстеров войны об'единяла одна общая цель.

Великие события под Сталинградом наполнили надеждой сердца простых людей всего мира и внесли смятение в черные сердца лидеров мировой реакции. Многомесячная Сталинградская битва показала вершины советского духа и стойкости. Отныне судьба человечества была решена.

Поистине легендарной силой изумил советский народ весь мир, когда, наконец, победил и растоптал в самом Берлине всю эту тьму осатаневших от крови выродков.

Что же было в самой основе этой стойкости нашего государства, стойкости и силы советского характера?

Морально-политическое единство народа, жизненность Сталинской Конституции, мощь социалистического строя, дружба народов СССР, неразрывное родство партии большевиков с трудящимися массами, беспредельная любовь и доверие народа к своему испытанному руководителю—Сталину, к его полководческому гению, развенчавшему миф о непобедимости фашистской Германии, — вот что находилось в основе советского характера, вышедшего с честью и славой из жесточайшего испытания.

«На вас смотрит весь мир, — сказал нам товарищ Сталин, — как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей».

Великим наступлением советских армий, все нараставшим движением вооруженных сил с востока на запад — от берегов Волги к берегам Дуная и Эльбы — наш народ-победитель разгромил гитлеровскую армию, освободил порабощенные народы Европы, решил исход всей второй мировой войны и спас человечество и мировую цивилизацию от фашистского рабства и гибели.

С затаенным от злобы дыханием следили враги человечества в США, Великобритании и других странах за невиданными победами Советской Армии. Страх сменялся надеждой. Может быть, истощатся силы великого народа в непомерной схватке один-на-один? Может быть, последние усилия войны сломают советский характер?

Напрасно надеялись!

Ни на один день не снизилась жизненная энергия нашего народа, когда с фронтов войны мы возвратились к мирному труду. С новой, небывалой силой развернулись трудовые таланты, высокая социалистическая культура труда всех братских народов СССР. С необыкновенной, удесятеренной силой проявила себя после войны идейная, вдохновляющая и организаторская мощь нашей партии.

Трудовые победы нашего народа в деле выполнения послевоенного пятилетнего плана в поразительно короткие сроки вернули нашей стране довоенный уровень народного хозяйства. Отмена карточной системы и денежная реформа подняли материальное благосостояние трудящихся. Народ почувствовал замечательные результаты своего напряженного хозяйского труда. Впереди — еще лучшая, еще более радостная и счастливая жизнь.

Герой нашего времени — человек творческого труда. Меняя лицо земли, превращая овраги Курской области в источник орошения полей, электрифицируя колхозные села целых областей, таких, например, как Винницкая, восстанавливая в короткий срок огромные заводы Запорожья, Харькова, Сталинграда, осушая затопленные шахты Донбасса, собирая золотой урожай хлебов на просторах страны, наши люди являют миру все тот же свой, советский характер, который в годы войны так крепко заставил трудовой люд Европы полюбить нашу Советскую Армию — армию-освободительницу.

Потому-то мы сегодня и сильнее всех в мире, что как на полях войны, так и на мирных полях мы защищаем, мы утверждаем свое собственное, а не чье-то барское счастье, свою собственную, а не чью-то господскую жизнь. Война раскрыла миру природу советского характера, снискала ему любовь всего трудового человечества. Силы, стоящие за мир, настолько значительны и велики, что если эти силы будут стойкими и твердыми в деле защиты мира, если они проявят выдержку и твердость, то планы агрессоров потерпят полный крах.

Все демократические силы мира об'единяются сегодня в борьбе за национальный суверенитет и независимость европейских народов, в борьбе за прочный мир, за народную демократию — против кабальных планов американского империализма. С доверием и благодарностью смотрят народы земного шара на нашу великую страну — главную силу в борьбе с мировой реакцией, оплот свободолюбивых народов.

Радостные вести идут со всей страны. Всенародное соревнование за выполнение пятилетки в четыре года сказывается в подлинно стахановской работе тысяч заводов и фабрик, десятков тысяч цеховых коллективов. Стахановское движение поднялось на новую ступень. Воля партии и всего народа, творческая инициатива советских тружеников могут и должны обеспечить выполнение годовой программы 1948 года к 7 ноября — славной праздничной дате истории нашего общества. На полях страны — сегодня в южных краях, завтра повсеместно — начинается жатва. Там, где семь лет назад шли с огнедышащими стволами фашистские танки, нынче идут добрые сельскохозяйственные машины. Славят нашу землю трудовые подвиги колхозного крестьянства! На заботу партии и государства миллионы колхозников отвечают замечательными делами. И в научных кабинетах, лабораториях, в конференц-залах наших академий идет напряженный, на благо Родины труд ученых. Создаются новые машины, разведываются тайны природы, усовершенствуется советская наука — самая передовая наука мира.

Будущее — за творческим трудом!

Счастлив советский писатель! В годы войны и в годы мира он черпает образы из опыта советской жизни — среди людей высокой воли, открытого и ясного характера. А в это время послевоенное искусство и «культура» капиталистического мира лежат в пропасти цинизма и почти нечеловеческой опустошенности, растленности духа.

Искусство советского социалистического общества живет и расцветает вместе с народом в его трудовом подвиге. Еще ближе — к темам труда и созидания! Еще ближе—к познанию советского характера!

Под водительством мудрого Сталина, весь народ — рабочие, инженеры, колхозники, агрономы, ученые, художники, писатели идут вперед, утверждая на своем пути надежные и верные вехи для всего человечества. Этот творческий путь — к коммунизму!

Твердые сплавы, подчас не уступающие по твердости алмазу, — это «семимильные сапоги» стахановцев: изготовленные из них инструменты повышают скорость резания металлов в 2—4 раза в сравнении с инструментами из лучших быстрорежущих инструментальных сталей.

Комплексная бригада изобретателей-рационализаторов Московского комбината твердых сплавов недавно разработала технологию производства уникальной фрезы из твердого сплава, превосходящей по качеству все известные доселе образцы.

Бригаду возглавляет механик-новатор В. Кузнецов. Пять миллионов рублей — такова годовая экономия, которую получит завод в результате внедрения десяти наиболее важных предложений Кузнецова. Пример механика-новатора встретил горячий отклик среди рабочих. На комбинате создано уже семь комплексных бригад. Они не только разрабатывают различные усовершенствования, но также и изготовляют опытные образцы своих технических новинок.

НА СНИМКЕ: Комплексная бригада. Слева направо—механик В. Кузнецов, конструктор Е. Дмитриев, слесари А. Чернозубов и Б. Кочетков, конструктор Н. Яковлев.

Фото Н. Ситникова

Разговор о чудесном изобретении

Борис АГАПОВ

Представьте себе подобие письменного стола, на котором у заднего края установлена вертикальная панель с большим числом отверстий для включения проводов и множеством стрелочек на маленьких циферблатах. На столе — круглый экран из матового стекла.

Вашему вниманию предлагают задачу, в которой даны длина маятника и сила толчка, заставившего маятник качаться, а требуется узнать, в каком положении будет он через некоторый промежуток времени.

— Какой именно промежуток?

— Какой вам будет угодно назначить.

— Три и три десятых секунды.

Оператор, сидящий перед столом, как телефонистка перед коммутатором, быстро втыкает шнуры в отверстия, нажимает на какие-то рычаги, раздается сухой треск, и на матовом стекле экрана вдруг возникает изумрудная змейка кривой. Она трепещет и светится и притягивает к себе взгляд.

— Тридцать семь градусов и десять минут, — говорит оператор.

Нематематик в этот момент затрудняется, что именно он должен изобразить на своем лице, — изумление, восхищение или просто спокойную удовлетворенность, ибо ему неизвестно, насколько сложна поставленная задача. Тогда ему поясняют:

— Мы имеем в виду не фантастический маятник, который никогда не останавливается, а маятник без упрощений, с учетом трения, т. е. такой, каждое колебание которого слабее, чем предыдущее. Решение подобных задач относится к тому отделу высшей математики, в котором изучаются так называемые эллиптические функции и эллиптические интегралы. Это учение, вследствие его сложности, не всегда включается даже в курс высших учебных заведений. Дело в том, что функция «фи» после двукратного диференцирования превращается в синус самой себя, умноженный на...

— Благодарю вас. Я не сомневаюсь, что эта «фи» имеет обыкновение поступать именно так, как вы говорите. Как видно, она трещит потому, что превращается в косинус самой себя?

— Этот треск образуется из многих десятков включений и выключений тока в секунду. Каждое такое включение дает нам решение задачи, но так как оно мгновенно, то мы заставляем прибор непрерывно повторять свой ответ, чтобы успеть зафиксировать показание.

— Значит, сложнейшая задача высшей математики решается мгновенно?

— В сотую долю секунды.

— Замечательно! Давайте, заставим «его» решить еще что-нибудь!

— Пожалуйста. Представьте себе, что к нашему маятнику подвешен другой, который качается оттого, что качается первый, и вам требуется определить положение этого второго маятника после, например, десяти колебаний первого.

Щелчок выключения, потом руки оператора переставляют что-то на панели, и с возобновившимся треском на экране появляется змейка.

— Теперь следите за экраном. Я буду менять длины маятников и величины тех импульсов, которые получил главный маятник при начале своего качания, т. е. я буду подставлять в сложную формулу их движений все новые и новые значения.

Изумрудная змейка дрожит и растягивается, потом она сокращается, потом растягивается вновь. Ее движения напоминают ход тех гусениц, которых называют «землемерами». Она принимает все новые и новые формы. За каждой из них скрываются ответы на вопросы, которые задает прибору правая рука оператора.

— Я пробую множество вариантов задач И вот — вы видите — я тотчас получаю ответ...

— А без прибора?

— А без прибора я должен был бы при каждом изменении величин заново производить все вычисления.

— И это заняло бы значительно больше времени?

— То, что здесь я могу увидеть в течение получаса, я мог бы вычислить только на протяжении полугода при усидчивой работе.

— Я вижу, при помощи этого прибора вы удлиняете жизнь исследователей?

— Здесь дело не только в экономии времени. Огромное количество вычислений, которые можем мы проделывать в краткое время, переходит в новое качество мыслительной работы.

Здесь автор позволяет себе небольшое отступление, которое в порядке аналогии поможет читателю уяснить последние слова его ученого собеседника.

Представьте себе, что все процессы вокруг вас замедлились почти в тысячу раз, так что, например, вы могли бы наблюдать снаряд летящим медленнее, чем ползет улитка. Тогда музыка казалась бы вашему уху только отдельными ударами воздуха — более редкими, чем удары пульса. Количество колебаний в секунду было бы столь малым, что оно не могло бы перейти в качество звука, в качество музыки. Вместо того, чтобы слушать мелодию, вам пришлось бы долгие недели считать число толчков и добросовестно записывать эти числа, а потом, составив кривые частот, улавливать в них какие-то закономерности, и так воображать мелодию.

Но в особенно трудном положении оказались бы вы, если бы вам поручили воспроизвести эту мелодию или — больше того — даже выдумать новую. Все силы своего внимания пришлось бы вам направить только на то, чтобы, уставившись на стрелку секундомера, толкать воздух соответственно записанным частотам, и уж, конечно, об исполнительском или тем более о композиторском искусстве тут и речи не могло бы быть.

И вдруг — все вокруг возвращается к обычным скоростям. Тогда, начиная с каких-то 80 колебаний в секунду, удары воздуха превращаются в нечто совершенно новое — в звук. Сразу становитесь вы хозяином мелодии. Охватываете ее как целое, непрерывное, единое, и теперь уже не заботитесь об отдельных ударах и толчках—они как бы ушли за порог восприятия, вы их не ощущаете, как не можете ощутить ударов отдельных частиц от соприкосновения с нагретым телом. Они как бы ушли в «микромир», они оказались снятыми в более возвышенном процессе — в создании музыки. Звуки льются сами, а вы получаете восхитительную возможность пробовать любой вариант, любую вариацию, наигрывая ее на рояле.

Но что же общего между музыкой и интегралами, о которых идет речь?

Вернемся к прибору, потрескивающему возле нас. Каждый этот треск означает решение задачи. Изменяя условия задачи, мы получаем все новые и новые решения — около ста в секунду. Это в четыре раза скорее, чем движутся кадрики кинематографа. И мы можем наблюдать уже не отдельные состояния исследуемой системы в отдельные моменты времени или в отдельных точках пространства, а процесс их изменений в зависимости от того, как изменяются условия задачи. Мы можем наблюдать все напряжения, которые будет испытывать проектируемая плотина при постепенном повышении уровня воды, и все изменения, которые будет испытывать вал пароходного винта при постепенном увеличении числа оборотов.

Математика без вычислений!

Непрерывный поток решений, как поток мелодии, в котором нет отдельных колебаний, а есть музыкальная фраза, охватываемая в целом!

Вот почему мы решились воспользоваться нашим музыкальным сравнением.

Электроинтегратор не относится ни к машинам, являющимся продолжением наших рук, как краны, экскаваторы или станки, ни к приборам, усиливающим наши органы чувств, как, например, микроскоп. Он — машина, помогающая мыслительной работе, а не восприятию. Вооруженный им человек получает способность видеть решение задачи одновременно с тем, как эта задача задается. Это как бы арифмометр с высшим образованием.

— Простите! — должны сказать в этом месте создатели электроинтегратора, — ваш комплимент машине очень мил, однако, поверхностен и неверен, как вообще все каламбуры. Дело в том, что арифмометру вы можете предложить только цифры, с которыми он будет производить те или иные простые действия. Этому же «гражданину» мы предлагаем не только цифры, но и предметы.

— Что вы этим хотите сказать?

— Только то, что вы слышали. Мы предлагаем вниманию прибора корабли, пропеллеры, плотины, рельсы и просим его исследовать их во всей их конкретности, со всеми особенностями их форм...

Руки оператора совершают включения и выключения на панели, очерчивая контур, похожий на удлиненную французскую булку.

— Это — профиль лопасти пропеллера серии СДВ-1. Предположим, нам надо определить, как напрягаются различные части или зоны этого пропеллера при различных скоростях вращения. Мы вводим в действие наш прибор, и он начинает демонстрировать все шкалы напряжений в любой точке пропеллера при любом числе оборотов или при любом угле атаки лопастей.

— Значит, я должен считать, что в настоящий момент передо мною вовсе не панель вашего прибора, а пропеллер, который вращается со страшной скоростью, с оглушительным ревом, хотя я вижу и слышу только...

— Немногим больше того, что вы видите и слышите, когда возле вас кто-нибудь мысленно представляет себе полет аэроплана.

— Пожалуй, можно сказать, что эта панель с проводами есть по существу орган воображения вашего «математика»!

— Пожалуй. И даже самого активного, гибкого воображения. Например, представьте себе, что во время работы этого винта в него попадает какой-то предмет... Тогда вследствие большой угловой скорости сила удара достаточна, чтобы возникла трещина. Например, вот с этого края и вот на столько миллиметров...

Руки оператора вновь производят какие-то переключения на панели.

— Теперь мы ввели в нашу задачу еще одно условие — трещину. Мы можем продолжать наше исследование поведения винта во время разных режимов, но прибор будет давать нам результаты уже с учетом того повреждения, которое мы предложили ему «вообразить», и искомые линии равного напряжения расположатся на лопасти иначе.

— И вы можете определить, при каких скоростях эта трещина заставит винт разлететься вдребезги?

— Безусловно! Причем, такое испытание не грозит никакими опасностями.

— Много ли задач может решать этот прибор?

— Он позволяет исчислить вообще такое количество вариантов, представить которое нет никакой физической возможности. Электронная техника дала нам полную свободу в построении любых задач.

— Например?

— Например: расчеты сложных электрокабелей, исследование поведения плотин и мостов из железобетона при различных температурных изменениях, выбор фундаментов для строительства в условиях вечной мерзлоты, замораживание грунта при борьбе с плывунами, исследование охлаждения рельсов и другого проката любых сложных профилей, задачи обтекания потоком воздуха или жидкости различных тел самой сложной формы и еще множество. Короче говоря, любой процесс в природе, выражаемый данным диференциальным уравнением, может быть всесторонне исследован новым прибором.

— В заключение позвольте узнать, кто является создателем нового прибора?

— Изобретателями электроинтегратора являются доктор технических наук Лев Гутенмахер, ученик и последователь крупнейшего советского ученого Алексея Николаевича Крылова, замечательного математика, механика и инженера, и его товарищи по работе. Над проблемой электрического моделирования советские ученые работают уже давно, и советской науке принадлежит приоритет в этой области.

Работа по созданию и внедрению электроинтегратора удостоена Сталинской премии. Кроме автора отмечены: его ближайший сотрудник и ученик кандидат наук Николай Корольков, директор Всесоюзного института автоматики Василий Лебедев, сотрудник института Борис Волынский, принявшие творческое участие в разработке конструкции и изготовлении серии электроинтеграторов, установленных в научно-исследовательских институтах Москвы, Ленинграда, Киева и других городов Союза.

Создание электроинтегратора — одна из фундаментальных работ Энергетического института имени Г. М. Кржижановского Академии наук СССР.

— Подобно тому, как создание электроэкскаватора — одна из фундаментальных работ Уралмаша?..

— Что за странное сопоставление?

— Думается, оно тоже плодотворно: эти машины,—одна, освобождающая сотни рабочих от тяжелого физического труда, и другая, освобождающая человеческий мозг от работы, теперь уже излишней,—представляют собою два полюса одного и того же процесса, который осуществляется в Советском Союзе, — великого процесса облегчения и облагораживания человеческого труда.

Архитектор приехал в колхоз

На собрании колхозников сельхозартели «Власть труда» (Ульяновский район, Омской области) с докладом о переустройстве села выступила московский архитектор Мария Антоновна Матюхина.

Внимательно изучив предложенные архитектором типовые проекты жилых домов, клуба, школы, хозяйственных построек, колхозники внесли серьезные поправки. Они сводились к следующему: в каждом доме должны быть ванная, горячая вода, а в общественных зданиях — канализация.

— Требования омских колхозников, — сказал в беседе с корреспондентом «Литературной газеты» тов. М. Сереженкин — директор Гипросельстроя, — типичное явление. С такими запросами мы сталкиваемся в десятках сел от Смоленщины до Сибири. Сейчас, например, по нашему проекту перестраивается село Юрты в Тогучинском районе, Новосибирской области. Председатель юртовской сельхозартели «Гигант», депутат Верховного Совета СССР тов. К. Шадрин несколько раз приезжал к нам в институт, а архитектор тов. В. Доброноженко много раз ездил в Юрты.

Пока по просьбе колхозников мы вносили исправления в план, они заготовили 3.000 кубометров леса, построили кирпичный и черепичный заводы, оборудовали лесопилку, механизировали добычу камня.

— Недавно, — продолжает тов. Сереженкин, — по инициативе Новосибирского обкома ВКП(б) было созвано совещание, посвященное строительству в колхозе «Гигант». На нем присутствовал знатный каменщик страны, депутат Верховного Совета РСФСР тов. С. Максименко. И вот два депутата — председатель колхоза и каменщик — заключили договор: Шадрин должен заготовить в нынешнем году миллион штук кирпича, а в начале 1949 года в Юрты приедет со своей стахановской бригадой Максименко и в течение месяца завершит строительство нового села.

Затем тов. Сереженкин рассказал о строительстве в селе Ново-Николаевка, Рубцовского района, Алтайского края.

Директор Гипросельстроя показывает кальку с генеральным планом будущей Ново-Николаевки. На кальку нанесены: гараж на десять автомашин, нефтебаза, слесарная и столярная мастерские, кузница, электростанция, насосная станция, водопровод, запасный железобетонный резервуар на 300 кубометров воды и многие другие хозяйственные постройки. Глядя на этот генеральный план, легко представляешь себе будущее Ново-Николаевки...

Под'езжая к селу по главной дороге, вы еще издали увидите нарядные черепичные крыши. Справа от шоссе — просторный дом для приезжих, слева — амбулатория-стационар на 10 коек. Вдоль улицы вытянулись красивые кирпичные дома-коттеджи, возле каждого из них — фруктовый сад. Два дома возвышаются над другими— детский сад и ясли. И, наконец, большая площадь — общественный центр села. Здесь — сельсовет, правление колхоза, клуб на 250 мест, школа, агролаборатория.

— Такими будут со временем все колхозные села, — сказал в заключение беседы тов. Сереженкин.

Новости советской техники

УНИКАЛЬНЫЙ АГРЕГАТ

Группа инженеров московского станкостроительного завода «Красный пролетарий» под руководством старшего конструктора Г. Сургучева освоила первый советский уникальный агрегат, изготовляющий так называемые пильгер-валки — основную деталь стана для производства труб.

Агрегат весом в 75 тонн состоит из двух тысяч сложных деталей и механизмов. Он выполняет точнейшую работу по обработке криволинейных поверхностей, образующих заданный профиль валка.

Наиболее трудоемкие ручные процессы, сопровождающие его работу, по предложению советских инженеров полностью механизированы. Это позволяет управлять огромным агрегатом всего лишь одному человеку.

ГРУЗЧИК-МЕЛИОРАТОР

На одном из ленинградских заводов построен новый универсальный агрегат «СУТА-1». Сменное оборудование агрегата, состоящее из бульдозера, под'емного крана, грейфера и механической лопаты, монтируется на тракторе «С-80» в зависимости от характера выполняемых операций.

Машина найдет широкое применение при строительстве гидротехнических сооружений и на мелиоративных работах. Она очень удобна также для выполнения погрузочно-разгрузочных операций, в частности на сплаве леса. Обслуживаемая двумя рабочими, установка заменяет 50 человек.

Агрегат сконструирован инженерами И. Арыкиным и И. Фрейкманом.

«МЕХАНИЧЕСКИЙ ПЛОТНИК»

На Кировском заводе (Ленинград) изготовлен опытный образец новой оригинальной установки, названной «механическим плотником». Она предназначена для изготовления срубов бревенчатых домов и различных хозяйственных построек.

«Механический плотник» позволяет механизировать самые трудоемкие операции — отпиливание горбылей бревен, нарезку шипов и другие. Освобождая строителей от тяжелой ручной работы, установка резко повышает их производительность труда. Всего лишь десять часов требуется новой машине, обслуживаемой двумя рабочими, для изготовления сруба, над которым четверо рабочих трудились бы 17—20 дней. При этом экономится значительное количество материалов.

Установка, сконструированная инженером М. Варшавским, по устройству крайне проста. Ее можно изготовить на любом заводе и легко транспортировать к месту работы.

«СПЛАВНОЙ БЛУМИНГ»

Конструкторы А. Слокотович и Д. Кожанов создали своеобразный «сплавной блуминг» — сплоточную машину «ВКФ-8». Она представляет собой два металлических поплавка, по которым движется тележка. Спускаясь по течению реки, бревна проходят между поплавками, где специальные зажимы, смонтированные на тележке, собирают их в компактные плоты об'емом до 40 кубометров. Связанные в плоты проволокой или цепями, бревна продолжают свой путь по реке, освободив место для следующей партии сплавного леса.

Все механизмы сплоточной машины приводятся в движение электромоторами. Производительность каждого рабочего, обслуживающего этот «сплавной блуминг», в 6—8 раз выше, чем при ручной сплотке. Машина пропускает за смену до 2,5 тысячи кубометров древесины.

Аналогичная установка типа «ерш» сконструирована инженером И. Абраровым для рек с малыми глубинами. Но в отличие от машины «ВКФ-8», «ерш» перед обвязкой бревен в плоты не сжимает их, а затапливает.

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР Пабло НЕРУДА

Вчера в Центральном доме литераторов состоялся вечер, посвященный творчеству Пабло Неруда.

Облик поэта, имя которого стало знаменем революционной поэзии стран испанского языка, обрисовали И. Эренбург, открывший вечер, докладчик Н. Габинский, Ф. Кельин, О. Савич и С. Арконада.

С первых дней нападения гитлеровских полчищ на нашу страну поэт-трибун поднял свой голос в защиту СССР. Благородной силы и страсти исполнены его стихи о героизме нашего народа в Великой Отечественной войне, о Сталинграде, о Советском Союзе, к которому поэт в одном из своих стихотворений обращается со словами:

О, чистая и светлая отчизна,
Сестра и мать народов всей земли!

Разрыв дипломатических отношений Чили с Советским Союзом, осуществленный под давлением Уолл-стрита, вызвал гневный протест поэта. Речь, произнесенная им в сенате, может сравниться со знаменитой речью Эмиля Золя «Я обвиняю!».

Сейчас Неруда подвергается преследованиям у себя на родине. Ему грозит арест. И все честные люди мира протестуют против расправы над замечательным чилийским поэтом.

Вечер закончился чтением стихов Пабло Неруда в переводах И. Эренбурга, И. Тыняновой и Ф. Кельина.

По Советскому Союзу

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

◆ **Ростов-на-Дону.** В сельскохозяйственной артели имени Ленина, Батайского района состоялось заседание научного совета Донской опытно-селекционной станции масличных культур. Совет обсудил доклад кандидата экономических наук тов. Елизаровой об оплате труда в колхозах и доклад старшего научного сотрудника тов. Демиленко о семеноводстве в колхозах. В работах научного совета приняли участие колхозники соседних сельхозартелей.

◆ **Тамбов.** В историческом отделе областного краеведческого музея открыта экспозиция, посвященная творчеству великих русских писателей М. Лермонтова, Г. Державина, И. Тургенева и других в период их жизни в Тамбовской губернии.

◆ **Якутск.** Республиканское государственное издательство выпустило на русском языке первые шесть сборников серии «Библиотечка якутской советской литературы». В сборник вошли лучшие произведения якутских поэтов и прозаиков, написанные в советское время.

◆ **Ленинград.** В Ленинградском отделении Института истории Академии наук СССР началось составление трехтомного издания «Истории Ленинграда». В работе над изданием участвует большая группа ленинградских историков, литературоведов, архитекторов, искусствоведов. Выход «Истории Ленинграда» приурочен к 250-летию города, исполняющемуся в 1953 году.

Конвейер диссертаций

Я. ФРЕНКЕЛЬ,
лауреат Сталинской премии, член-корреспондент Академии наук СССР
Э. КОНЮС,
доктор медицинских наук

Социалистический строй открывает небывалые возможности для расцвета науки. Наша страна вырастила огромную армию талантливых ученых. Имена многих из них известны всему культурному человечеству. Нигде в мире научные работники не пользуются таким почетом, как в СССР, и ни одна страна в мире не заботится об ученых так, как наша. Советское государство предоставило людям, занимающимся научной работой, все возможности для творческого роста.

Мы накопили уже большой и многообразный опыт по подготовке научных кадров. Этот опыт позволяет нам подводить итоги и делать выводы.

Приходится, к сожалению, отметить, что существующая ныне система присуждения ученых степеней, отбора и воспитания научных кадров имеет много недостатков.

Путь ученого до сих пор еще пытаются определить тремя стандартными вехами: аспирантский минимум, кандидатская диссертация, докторская диссертация. Поэтому нередки случаи, когда то, что должно быть лишь внешним показателем, превращается в самоцель.

* * *

Аспирантура комплектуется путем разверстки мест по вузам и научно-исследовательским институтам. Для зачисления в аспирантуру требуется сдать вступительные экзамены. Затем в течение трех лет аспирант готовится к сдаче кандидатского минимума и к защите диссертации.

Не секрет, что благополучно, с защитой диссертации заканчивают аспирантуру далеко не все в нее поступившие.

И это, к сожалению, не самый худший вариант. В этом случае человек, не имеющий данных для научной работы, не получает ученой степени. Но бывают и такие случаи, когда аспирант все-таки «благополучно» защищает диссертацию и, получив на основании одной только, в большинстве случаев первой, научной работы пожизненное звание ученого, никогда уже больше к исследовательской деятельности не возвращается или имеет к ней очень отдаленное отношение.

Случайные в науке люди получают ученые степени не только путем аспирантуры. Ученые советы многих наших вузов и исследовательских институтов перегружены рассмотрением кандидатских и докторских диссертаций. Вместо обсуждения научных или методических вопросов, заседания ученых советов на 70—80 проц., а иногда и на все 100 посвящаются диссертационной процедуре.

«Взять тему для диссертации» — как часто слышим мы эту формулу. «Взять тему» так же легко, как переменить носовой платок или приобрести новый костюм, даже не заботясь особенно о том, чтобы он был по мерке.

Консультационное бюро Центрального института усовершенствования врачей получает много писем с просьбами оказать содействие в написании диссертации. Вот что пишет, например, врач из г. Сочи: «Рекомендованная Вами клиническая тема меня не устраивает, она не соответствует моему больничному материалу. Экспериментальная тема, которую Вы мне потом предложили, срывается из-за недостатка собак для опытов, поэтому (!) я склонен взять тему по диалектике в медицине и жду от Вас новой консультации».

Это, к сожалению, не анекдот, а факт.

Известны случаи, когда ученые степени не только кандидатские, но и докторские присуждались за слабые, не имеющие научной ценности работы. На страницах печати специальной и общей за последнее время описывались случаи недобросовестного отношения к диссертациям, присвоения целиком чужого труда или широкого использования посторонних услуг.

Начальник областного отдела технических культур К. П. Оболенский представил как свою диссертацию работу, которая была сделана большим коллективом агрономов—его сотрудников и помощников.

Бывший заведующий Воронежским областным здравотделом И. Ф. Попов, не обладая не только умением излагать свои мысли, но даже, как потом выяснилось, элементарной грамотностью, решил все-таки обзавестись ученой степенью. Материалы Облздрава, собранные, конечно, отнюдь не лично Поповым, о санитарных последствиях войны и немецкой оккупации в области были даны за определенную плату на литературную обработку одной журналистке. Полученную в результате этой литературной операции работу И. Ф. Попов «защищал» в местном медицинском институте, в городе, где он ведал Областным отделом здравоохранения. Кое-что, как сообщалось в печати, послужило к большому конфузу диссертанта, но «ученую степень» он все-таки получил. «Два часа позора, зато степень на всю жизнь», — гласит на этот счет распространенная поговорка. И любители «степени на всю жизнь» идут с готовностью на «два часа позора»!

Почему стали возможны такие факты?

Прежде всего потому, что в большинстве случаев диссертация является единственным основанием для присуждения ученой степени. Если бы в основе лежало всестороннее рассмотрение деятельности и личности кандидата, Оболенский, Попов и др. не могли бы «проскочить» в ученые.

Одна диссертация не может быть основанием для присуждения ученой степени. Человека нельзя сводить к одной работе. Такой подход порочен в корне. Конечно, бывают случаи, когда одна работа, как, например, «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова, может составить переломную эпоху в науке. Но мы говорим не об исключениях. Как правило, одной работы недостаточно для суждения о научном работнике. Надо рассматривать все его работы в совокупности, не изолированно, а в сопоставлении со всей деятельностью, которая бывает нередко важнее, чем представленная рукопись. Подделать жизнь человека невозможно, а подделать одну диссертацию, написать ее чужими руками или по чужим мыслям оказывается возможным.

Даже внешняя сторона диссертационной процедуры не может благоприятствовать серьезной проверке достоинств диссертанта.

Защищающий диссертацию, так называемый «соискатель ученой степени», подает свою работу в трех или четырех экземплярах. Один из них остается в библиотеке, остальные раздаются официальным оппонентам. Практически к заседанию ученого совета в подавляющем большинстве случаев с диссертацией знакомятся только оппоненты. Никто из членов совета, за редким исключением, не только не читает диссертации, но даже не видит ее. Они знакомятся обычно с работой либо во время защиты, из уст самого диссертанта, которому на изложение ее, согласно инструкции, предоставляется 20 минут, либо путем перелистывания ее во время доклада. Своего личного мнения о диссертации члены ученого совета, таким образом, обычно не имеют и не могут иметь. При заполнении баллотировочных бюллетеней они присоединяются обычно к мнению официальных оппонентов. Таким образом, поддержка оценки, данной оппонентами, вотумом ученого совета имеет часто совершенно иллюзорный характер.

Если диссертации защищаются на ученых советах университетов, то в решении вопроса о научных достоинствах, скажем, математика, принимают участие историки, филологи, ботаники и т. д., т. е. люди, нередко знающие математику не лучше студента 1 курса математического факультета. Такое же положение, не обеспечивающее возможности рассмотрения научной работы по существу, имеется не только в университетах, но и в учреждениях более узкого специального профиля, например, в медицинских институтах.

В течение двух-трех часов перед членами ученого совета мелькают диссертант и несколько оппонентов. Они высказываются по вопросу, для подавляющего большинства мало знакомому, а затем присутствующие без всякого промедления должны вынести решение о присуждении ученой степени.

До недавнего времени у членов ученого совета была возможность воздержаться от голосования. Некоторые широко пользовались этим правом, но большое количество воздержавшихся часто ставило под сомнение результаты голосования. По ныне действующим правилам разрешается голосовать только за или против. Это еще более затрудняет членов совета и зачастую превращает голосование в лотерею.

Присвоение ученой степени входит в силу только после утверждения решения ученого совета Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Министерстве высшего образования СССР. На эту процедуру уходит обычно не менее одного-двух лет.

Все благополучно защищенные докторские диссертации ВАК, как правило, отправляет на заключение трем специалистам и, лишь получив их отзывы, окончательно решает вопрос об утверждении докторской степени. Зачем же нужна предварительная публичная защита на ученых советах вузов, если все равно вопрос решается тремя специалистами?

Пора, наконец, посмотреть открытыми глазами на диссертационную практику и назвать вещи своими именами. Диссертационный метод квалификации научных кадров, задуманный 12 лет назад с наилучшими целями и сыгравший в первые годы положительную роль, в настоящее время требует значительных коррективов.

Существует проект улучшить нынешнее положение при помощи введения еще дополнительных (кроме кандидатских и докторских) диссертаций—магистерских или с иными, извлеченными из средневекового реквизита, наименованиями. Но это, конечно, не вносит ничего принципиально нового в существующую систему.

Мы думаем, что суждение о научных достоинствах отдельных работников должно выносить компетентное жюри из нескольких авторитетных ученых, признанных специалистов в данной области. Никакой театрализации здесь не требуется. Такие жюри по каждой специальности должны избираться учеными из своей среды и утверждаться Министерством высшего образования или назначаться по рекомендации признанных авторитетов в данной отрасли знаний.

Свое решение о присуждении степени жюри должно выносить на основании всех опубликованных научных работ данного лица. В тех случаях, когда опубликованных работ нет или их слишком мало, соискатель может представить и неопубликованные работы.

Решение жюри должно быть основано на всем материале, характеризующем научную деятельность и личность соискателя.

Можно ввести право обжалования решений жюри, как отрицательных, так и положительных, и передачу вопроса на суд жюри другого состава. Но надо решительно отказаться от существующей ныне практики превращения публичной защиты диссертаций в формальную процедуру.

Нам представляется также совершенно несомненным, что все научные работники должны регулярно подвергаться проверке. Надо в определенные сроки просматривать и всесторонне оценивать их работы. При этом необходимо учитывать следующее обстоятельство. По ныне существующей системе, ученая степень присваивается пожизненно. Кандидат наук, написавший одну работу и после этого творчески умолкнувший на десятки лет, не имеет прав на эту степень. Получение ученой степени должно не только давать права, но и налагать обязанности. Ученую степень нельзя давать пожизненно. Она должна быть оправдана не только предшествующей, но и последующей деятельностью человека.

Нам кажется также в корне неправильной система подготовки научных работников по конвейеру аспирантуры. Мы думаем, что лиц, обладающих необходимыми данными для ведения научной работы, надо прикреплять к отдельным ученым, которые должны ими руководить. При этом необходимо ввести предварительный испытательный срок, в течение которого руководитель может дать заключение о способности аспиранта к самостоятельной исследовательской работе.

Каждый научно-исследовательский институт, каждое высшее учебное заведение, несомненно, должны иметь возможность печатать труды своих научных работников, хотя бы в извлечениях. Должна быть создана сеть журналов реферативного типа, на страницах которых должны находить себе место все представляющие какой-либо интерес научные работы.

Нам думается, что такой порядок и обязательная периодическая аттестация всех научных работников поднимут на еще большую высоту нашу советскую науку и помогут организационно укрепить наши научно-исследовательские учреждения.

В ПОРЯДКЕ ОБСУЖДЕНИЯ

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Современник

Под июньским небом, на исходе
Боевых
Сороковых годов,
Юноша по городу проходит
Мимо ясной зелени садов.

Рядом с нами улицей тенистой
Он проходит. И над ним шумят
Липы, что московскую прописку
Получили шесть недель назад.

...Человек простой, не легендарный,
Пресненской заставы старожил,
В цех вошел он и станок токарный,
Как Машину Времени включил.

Создана она не по Уэллсу.
В дни больших свершений и работ
В будущее парень загляделся,
Времени скомандовал:
— Вперед!

И, послушны воле человека,
Замелькали станции-года,
И вторая половина века
Распахнулась перед ним тогда.

Он стремится в завтра, на разведку,
Открыватель новых скоростей.
И ему с вершины Пятилетки
Станция конечная видней.

— Догоняйте!—он кричит соседям, —
Одиночной славы не люблю.
Вместе долетим, дойдем, доедем.
Кто отстал, давайте, подсоблю!

Одного желает он, по чести,
Чтобы с полным напряженьем сил
Каждый на своем рабочем месте
Ту Машину Времени включил.

Он сердцами родственными понят —
Человек с открытою душой.
Если кто-нибудь его догонит,
Это—праздник для него большой.

Мчится, сроки сокращая вдвое,
Паренек из цеха токарей,
Движимый давнишнею мечтою —
Коммунизм увидеть поскорей.

Вдумчивый, вихрастый, угловатый,
Пресненской заставы старожил.
Здесь он голубей гонял когда-то,
В комсомол не так давно вступил.

В бликах листьев и дневного света,
Сквозь московский гуд и перезвон
По проспектам нынешнего лета
Юноша проходит, окрылен.

Он—в строю. И, как шестое чувство,
Будущее поселилось в нем.

Миллионы, сблизив труд с искусством,
Движутся
В дозоре головном.

Ничего, товарищ, мне не надо,
Только быть во всем тебе под стать,
Не отстав, шагать с тобою рядом
И себя в труде перерастать.

В Союзе советских писателей СССР

Секретариат Союза советских писателей СССР на очередном заседании рассмотрел работу Всесоюзного об'единенного бюро пропаганды художественной литературы.

За последние годы Бюро пропаганды несколько расширило свою деятельность, но не сумело полностью перестроить работу в соответствии с решениями ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам. Бесплановость, самотек, малое привлечение писателей к общественным выступлениям, и, особенно, для учащихся школ и вузов, привели к тому, что Бюро пропаганды работало неудовлетворительно.

Утвержден новый совет Бюро пропаганды в составе: С. Евгенова (председатель), И. Андроникова (заместитель председателя), Л. Никулина, Л. Ошанина, А. Жарова, Л. Кассиля, Е. Шевелевой, С. Васильева, Е. Долматовского.

***

На том же заседании секретариат утвердил редакционный совет издательства «Советский писатель». В него вошли: В. Бахметьев, Г. Граник, Н. Грибачев, В. Инбер, Э. Казакевич, А. Караваева, Е. Книпович, А. Кононов, Е. Ковальчик, А. Коптяева, Ю. Либединский, В. Перцов, Б. Полевой, В. Сафонов, Л. Скорино, П. Скосырев, В. Смирнова, В. Соловьев, А. Софронов, А. Тарасенков, А. Фадеев, П. Фатеев, В. Щербина, С. Щипачев, Г. Ярцев.

П. ТРОФИМОВ

В РОЛИ ТРУБАДУРА БУРЖУАЗНОГО ИСКУССТВА

Перед нами небольшая, любовно изданная Музеем изобразительных искусств книга «Шарден» — монография проф. В. Лазарева о творчестве французского художника-реалиста XVIII в. Жана-Батиста Симеона Шардена.

Нельзя сказать, что в этой работе проф. Лазарев не уделил внимания эпохе, в которую жил и создавал свои произведения художник, или забыл об окружающей его среде. В книге очень большое место занимает описание быта и нравов французской мелкой буржуазии XVIII века, типичным представителем которой, с точки зрения проф. Лазарева, был Шарден. Однако, отношение автора и к этой среде, и к самому Шардену таково, что книга может в гораздо большей степени называться восторженным панегириком французской буржуазии, чем очерком советского искусствоведа.

Шарден представляется проф. Лазареву неким кладезем всевозможных добродетелей: идеалом труженика, человека, гражданина, семьянина, художника и т. д. и т. п. Расточая по его адресу неумеренные похвалы, проф. Лазарев утверждает также, что все перечисленные добродетели украшали почти любого среднего французского буржуа XVIII века, были, так сказать, типичным, массовым явлением.

Быт и нравы, господствовавшие в этой среде, описываются проф. Лазаревым в идиллических тонах. Ровное и неторопливое течение жизни, заботы матери о детях, воспитание их в духе здоровых нравственных устоев, скромные семейные трапезы, обеды и ужины, игры в гуська, пасьянс и т. п.—вот что, оказывается, характеризовало жизнь французской буржуазии XVIII века. Узость, ограниченность, порочность буржуазного быта, морали, мировоззрения оказались незамеченными советским искусствоведом. Находясь целиком в плену у буржуазных историков и мемуаристов, некритически списывая у них характеристику буржуазного быта, слепо веря буржуазным апологетам, представляющим свой класс, только как класс честных тружеников, проф. Лазарев не заметил самого главного, характеризующего буржуазию во все эпохи ее существования: ненасытной жажды буржуа к наживе, к эксплоатации чужого труда, ее эгоизма и корыстолюбия, систематического обмана, процветающего в этой среде. Не заметив всего этого, автор выступил в неблагодарной роли умиленного восхвалителя буржуазного быта и морали.

Проф. Лазарев игнорирует яркие, глубоко научные, критические характеристики, которые давали буржуазии классики марксизма-ленинизма. Проф. Лазарев всячески стремится прикрыть, замаскировать эксплоататорскую сущность среды, к которой принадлежал Шарден. На стр. 34 он пишет: «В буржуазных кругах предреволюционного времени выработалось свое собственное отношение к работе, в корне отличное от отношения к ней со стороны церкви и дворянства. Для последних работа была проклятием, ниспосланным на человека за его грехи. Для буржуазии, являвшейся в XVIII веке передовым классом, работа заключала в себе момент долженствования, она несла с собой радость, она завершалась успехом и материальными благами». Далее идут соответствующие цитаты из буржуазных авторов. Основная неверная установка, естественно, приводит автора к искажению исторической правды. Он, в сущности, превращается в трубадура «добродетелей» французской буржуазии и маскировщика ее пороков.

На стр. 4 «шарденовский» стиль определяется проф. Лазаревым как «безупречный», обаянию которого трудно не поддаться (подчеркнуто нами.—П. Т.). Восторженными характеристиками творчества Шардена проф. Лазарев, в сущности, пытается внушить читателю мысль, что произведения, о которых идет речь, имеют не только относительное, но и абсолютное познавательное значение. Аполитичный, неклассовый, об'ективистский подход к анализу творчества художника привел автора к ложному преклонению перед его произведениями.

Проф. Лазарев пытается навязать советскому читателю глубоко ошибочную мысль, что буржуазный художник в состоянии передать миру полную правду о своем классе. Он стремится всячески доказать, будто бы Шарден совершенно точно, без всяких прикрас и идеализации отразил действительность. Такого рода стремление абсолютно несостоятельно, так как буржуазный художник, даже прогрессивный, будучи ограничен мировоззрением своего класса, не в состоянии быть до конца правдивым и беспристрастным. Не желая знать этого, проф. Лазарев не смог понять, что в творениях Шардена дано узкое, одностороннее, идеализированное отражение быта буржуазии, что в них подчеркнуты прежде всего положительные стороны.

В книге разбросаны рискованные аналогии, претендующие на научность. Так, на стр. 18—19 автор утверждает, что имеется известная близость между рассуждениями французского философа Робинэ о всеобщей одухотворенности материи и взглядом Шардена на вещи, как на некоторого рода одушевленные сущности. Аналогия проводится таким образом, что у читателя создается впечатление, будто бы точка зрения Робинэ правильна.

Экскурсы проф. Лазарева в область истории философии и общественно-политической мысли совершенно неудовлетворительны. На стр. 39—40 он излагает свое понимание сущности этического учения Руссо. Не замечая никаких противоречий, никакой узости и ограниченности в этом учении, проф. Лазарев умиляется и восхищается им. Он всячески стремится представить Шардена и Руссо цельными, лишенными каких-либо недостатков социальными типами. Такого рода работа по лакировке идеологов буржуазии не имеет ничего общего с марксистскими исследованиями. И Руссо, и Шарден были сыновьями своего времени и своего класса и, несомненно, восприняли все пороки своей эпохи. Говоря о морали Руссо, проф. Лазарев должен был бы помнить, что эта мораль не отрицала и не осуждала «чувства почти отвратительной скупости» (см. «Исповедь» Руссо), которая, как известно, не может быть основой подлинно человеческих отношений. Проф. Лазарев не понимает внутренней противоречивости и ограниченности социально-этических взглядов Руссо.

Там, где проф. Лазареву по ходу изложения материала представляется возможность остро и решительно высказаться против современного буржуазного искусства, он ограничивается только сопоставлением Шардена с Сезанном (одним из представителей формалистического направления эпохи империализма). Он не находит нужным высказаться против деградирующей буржуазной культуры.

Книга проф. Лазарева пронизана некритическим отношением к буржуазному искусству и не может принести пользы советскому читателю.

Удивление вызывает позиция журнала «Искусство», напечатавшего на своих страницах в основном хвалебную рецензию И. Цырлина об этой книге.

В. Н. Лазарев. «Шарден». Изд-во Гос. музея изящных искусств им. А. С. Пушкина. Москва.

Лев СЛАВИН

„ПОСТОРОННИЕ ЛИЦА“

По началу М. И. Михайлов кажется просто человеком холодным, однако, приглядевшись пристальней к образу, его действий, убеждаешься, что здесь дело не только в некоторых малопривлекательных свойствах сердца.

Безразличное отношение доктора Михайлова к насущным жизненным нуждам его сотрудницы доктора Е. Н. Якуниной быстро перешло в активно-враждебное.

Война принесла старому советскому врачу-педиатру Е. Н. Якуниной много горя. Муж ее погиб на фронте. Квартира и все имущество, нажитое за долгие годы трудовой жизни, оказавшиеся на территории, занятой врагом,—уничтожены. Сын ее, комсомолец Георгий, с 1943 года был в рядах Советской Армии.

Родина отнеслась к вдове и матери воинов с заботливым участием. Родина вернула Якуниной кров, любимую работу, материальную обеспеченность. Она получила пособие, какое выдают семьям фронтовиков, павших смертью храбрых. По возвращении из эвакуации обратно в Московскую область ей тотчас была предоставлена работа по специальности в детском санатории «Быково». Там же, в жилом доме при санатории, Якунина получила комнату.

А вскоре в ее жизнь вошла еще одна большая радость: 28 апреля нынешнего года вернулся демобилизованный из армии сын. Способный юноша, с серьезными задатками математика, он в последний год пребывания в армии стал студентом-заочником математического факультета МГУ.

Куда вернулся Георгий? Естественно, к матери. Ее дом — его дом. Живя у матери, Георгий рассчитывал подготовиться к осенним экзаменам для того, чтобы из заочника стать полноправным «очным» студентом МГУ.

Эти планы жизненного устройства, такие скромные, глубоко человечные и естественные, были нарушены неожиданно и грубо.

Михайлов, главный врач санатория «Быково», в хозяйстве которого числятся и этот жилой дом для сотрудников, запретил прописывать Георгия на жилплощади его матери. Он мотивировал это тем, что Георгий «является посторонним лицом»...

Все в этом удивительном решении противоречит и закону, и нормальному человеческому чувству. Ведь живут же в этом самом доме семьи других сотрудников санатория. Кто же дал право Михайлову об'являть сына доктора Якуниной лицом, посторонним для его родной матери? Что это: самодурство?

Нет. Тут дело посложнее и похуже.

Прокурор Раменского района, к которому обратилась Якунина, подтвердил, что закон на ее стороне. Но Михайлов не обращает никакого внимания на это определение прокурора, ибо его санаторий находится в ведении Бауманского райздравотдела Москвы. Михайлов даже об'явил Якуниной строгий выговор с предупреждением за попытку прописать своего сына.

Не всегда доктор Михайлов относился с такой озлобленностью к доктору Якуниной. В ноябре 1947 года он даже об'явил ей благодарность за отличную работу.

Перелом в отношениях наступил с того момента, когда доктор Якунина, как член местного комитета, выступила с критикой некоторых действий доктора Михайлова, возмутивших ее честное отношение к работе и нравственную опрятность.

С этого момента Якунина стала для Михайлова человеком неудобным.

Цель его усилий ясна: он хочет выжить Якунину из санатория. Ему неудобны ее принципиальность, ее прямота.

Во всем этом безобразном деле вызывает удивление позиция заведующего здравотделом Бауманского района тов. Латыпова, который равнодушно взирает на бессовестную травлю вдовы и матери фронтовиков, заслуженного и старейшего работника советской медицины.

Удивление это сменяется возмущением, когда мы узнаем, что Латыпов санкционирует самоуправные действия Михайлова, также квалифицируя ее сына как «лицо постороннее».

Вероятно, Михайлову, поощренному своей временной безнаказанностью, кажется, что нет ничего легче, чем затравить врача Якунину. Михайлов ошибается — советский человек не бывает одиноким: рядом с ним и вместе с ним закон и советская общественность. Они сумеют одернуть зарвавшегося бюрократа и его неразборчивого покровителя, которые сами рискуют оказаться в положении «посторонних лиц» в честной советской трудовой семье.

БОЛЬШЕ БУМАГИ СТРАНЕ!

Это значит: больше хорошей бумаги!

Каждый день на бумажной фабрике происходит чудо. К нему привыкли, оно никого здесь не удивляет. И все же это самое настоящее чудо — превращение на ваших глазах жидкой массы в чистые, ровные, плотные белоснежные листы.

Но к чуду привыкают. Чудо планируют, калькулируют, сортируют и упаковывают. Существует ли на всех этапах планирования, производства, отгрузки бережное отношение к той важнейшей продукции, от которой зависит дальнейший под'ем культуры в стране?

Писатели побывали на многих бумажных предприятиях Союза. В цехах знакомились с людьми, которые своими руками изо дня в день, из года в год делают многие тонны газетной, книжной, нотной, меловой и всякой иной бумаги. Мы знаем ветеранов-мастеров с сорокалетним рабочим стажем. Мы видели молодежь, недавно пришедшую на производство.

И, будем говорить прямо, мы заметили, что в директорских кабинетах, в партийных и профсоюзных организациях предприятий любят потолковать о количестве и привыкли осторожно обходить серьезный вопрос о качестве.

Недавно газета «Труд» получила 21 тонну бумаги с маркой ленинградской фабрики имени Горького (и. о. директора тов. Ходаков). Во время печатания очередного номера газеты выяснилось, что бумага засорена древесной пылью, забивающей стереотипы и печатную машину. Вклейки сделаны небрежно, грубо. Намотка рулонов неравномерная — одна сторона твердая, жесткая, другая — пухлая и вялая. При быстром ходе машина превращает газету в макулатуру.

Вот лежит перед нами пачка других газет. С первого взгляда — газета, как газета. Но на четвертой полосе отсутствуют две колонки. Вместо них — мутное, белесое пятно с грязными подтеками. А на другом экземпляре — край листа вырван.

А вот книга, где сто восемь страниц можно читать с удовольствием, а сто девятая—загадочнее сфинкса и вся покрыта какими-то занозами и пупырышками.

Кто делал такую бумагу? Балахнинский комбинат (директор тов. Таганцев).

Не секрет, что продукция Архангельского бумажного комбината, при осмотре ее государственной экспертизой, как правило, переводится из первого в третий сорт. Как правило! А ведь Архангельский комбинат (директор тов. Гехтман) должен снабжать книжно-журнальные издательства высококачественной беленой типографской бумагой. «Высококачественный третий сорт»—неважная фабричная марка, товарищи архангельцы!

Бумагу разных оттенков частенько «дарит» издательствам Каменская фабрика (директор тов. Никандров). Перевыполняет план по выпуску... вторых и третьих сортов Сокольский комбинат имени Куйбышева (директор тов. Масюк). Плохо соблюдают на Сокольском комбинате технологические режимы производства.

Белый лист газетной бумаги, выпущенный Кондопожским комбинатом (директор тов. Давыдов), имеет, на наш взгляд, все основания для того, чтобы покраснеть от стыда за свое качество и позеленеть от ужаса при воспоминаниях о пройденном пути. Газетная бумага наматывается на слабые, плохо склеенные гильзы. Упаковка скверная.

Хуже стал работать Камский комбинат (директор тов. Туниманов) — основной поставщик типографской бумаги: ряд издательств жалуется и на качество камской продукции.

Несмотря на обилие примеров плохой работы, не следует, однако, делать вывод, что нет предприятий, где не умели бы по-настоящему постоять за честь фабричной марки. Фабрика «Маяк революции», Марийский, Сегежский, Новолялинский комбинаты достойны того, чтобы по ним равнялись остальные.

У работников советской полиграфии, у издательств и редакций, у нас, советских литераторов, у советских читателей — большая и законная претензия к работникам бумажной промышленности: бумага должна быть хорошей, **вся бумага!** Странная получается картина: как раз крупнейшие предприятия дают бумагу плохую, а меньшие предприятия выпускают хорошую.

Больше бумаги стране! Этот призыв означает: **больше хорошей бумаги!**

Борьба за качество начинается с заботы о чистоте на предприятии. На многих фабриках грязно в цехах, и от этого страдает работа.

Недостойное отношение к бумаге проявляется на железнодорожных станциях и в складских помещениях. Ее скверно пакуют, ее возят на открытых платформах, под дождем, ее выгружают крюками, ее хранят в неприспособленных помещениях. На 7-й разгрузочной платформе станции Москва-Товарная, Курской железной дороги, ежедневно разгружается много рулонов для «Известий», «Труда», «Гудка», «Московского большевика» и других изданий. Но какой это варварский процесс — разгрузка! Торцы рулонов бьются, и тут же, на платформе, возникает гора брака. На станции нет никакой механизации.

«Бумага все стерпит», — говорит пословица. Увы, она действительно многое терпит, но мы-то не должны терпеть такого положения дел.

В Министерстве целлюлозной и бумажной промышленности должно быть изменено отношение к вопросам качества. Установившаяся в министерстве практика традиционных совещаний вряд ли может спасти положение. Бумажный поток актов и жалоб идет в Главбумсбыт, к тов. Китаеву, оттуда направляется по двум каналам: к зам. министра тов. Извекову и в производственный или технический отделы.

С внешней стороны все выглядит весьма солидно. Но по существу это только несколько лишних резолюций в папке под названием «качество».

В многотысячном коллективе работников бумажной промышленности есть немало подлинных энтузиастов своего дела, способных возглавить движение за выпуск отличной продукции.

Неотложная задача министерства — заняться вопросом о качестве применительно к особым условиям каждого предприятия. В первую очередь надо поднять культуру производственного процесса, точно соблюдать технологический режим.

Нет человека в нашей стране, который не был бы заинтересован в улучшении качества бумаги. Пусть на прекрасных советских изданиях красуется фабричная марка: «Напечатано на бумаге такой-то фабрики». И пусть это будет **каждая** бумажная фабрика Советского Союза!

Бригада Союза советских писателей и «Литературной газеты»:

А. РАСКИН, А. ИВИЧ, Н. ДЫМАРСКИЙ.

М. МАРЬЯНОВ

СНАРЯД, ПУЩЕННЫЙ ВЕРНОЙ РУКОЙ

Одна из задач советской литературы— разоблачать в художественных произведениях тлетворность и ложь буржуазной морали, показывать капиталистическое общество во всей его наготе.

Решению этой задачи посвящены произведения К. Симонова «Русский вопрос», отчасти «Буря» И. Эренбурга и другие. Но пока их не столь много. Тем более ценно появление подобного произведения в одной из наших братских литератур — в украинской. Речь идет о повести украинского писателя В. Собко «Далекий фронт».

1944 год. В дюнах Атлантического побережья Франции затаился один из немецких концентрационных лагерей — Дюбуа-Каре. Это лагерь с «особым режимом»: редко кто из пленников выходил отсюда на волю.

Здесь, в женском отделении, больше тысячи пленниц —француженок и чешек, болгарок и датчанок. За колючую проволоку лагеря попала и англичанка Джен Кросби. Ее взяли прямо с самолета, летевшего из Алжира в Лондон и сделавшего вынужденную посадку на вражеской территории... Властвует над жизнью узниц немка-садистка Мари-Клер, специалистка по изобретению самых невероятных издевательств и пыток.

В лагерь попадают и две советские девушки—Мария Дорошенко и Таня Егорова. Дважды они уже бежали из немецких концлагерей, теперь их наказали и перевели в Дюбуа-Каре. Среди тысячи пленниц только они еще оказывают сопротивление убийцам, только они остались непокоренными, сохранили волю к борьбе. Они бегут и из Дюбуа-Каре, но гитлеровцы их ловят. Мария тяжело ранена и умирает. Тане предстоит еще худшая участь—пройти перед казнью все муки изощренных пыток.

Но смелой, мужественной девушке еще суждено жить. Началось вторжение англичан и американцев на континент.

Таня Егорова жаждет быстрее вернуться в советскую страну. Но ближайшее советское консульство есть только в Лондоне, и она принимает приглашение Джен Кросби вместе отправиться в Лондон.

Мать Джен—миссис Кросби — говорит представителю советского посольства майору Маркову:

«Таня может жить в моем доме сколько угодно. Она спасла жизнь моей дочери. Я была бы счастлива иметь возможность отблагодарить ее как следует. Во всяком случае в Англии у нее всегда есть дом... Это дружба, скрепленная кровью».

Тане вскоре пришлось узнать на деле истинную цену этой «дружбы» и пресловутого гостеприимства «доброй старой Англии».

Глава семьи Кросби — один из крупнейших английских промышленников. Он участник международных картелей, выступающий в компании с американцем—мистером Гибсоном. Этим промышленным магнатам принадлежат предприятия не только в самой Англии и США, но и в Германии. В частности, они совладельцы крупных заводов в немецком городе Ригене.

Мистер Гибсон особо озабочен судьбой этих заводов. За крупную взятку высшему командованию воздушных сил он добивается того, что город Риген и его заводы на картах английской и американской авиации отмечены, как «об'єкт, не заслуживающий бомбардировки». Между тем, заводы в Ригене выпускают танки и другое оружие, несущее смерть тысячам американских и английских солдат.

Автор повести выразительно рисует образ Гибсона—матерого волка капитализма. Рассуждения Гибсона—смесь наглого цинизма с типичной философией собственника и лицемерия предателя:

«Так или иначе наши войска защищают нашу честь и наше имущество. Какая разница, где находится это имущество—в Америке или в Германии?.. Наши заводы—это часть Соединенных Штатов. Вполне справедливо и логично будет, если наши солдаты прольют за них немного крови, как они это уже не раз делали во всех частях света...»

Этот американский делец, торгующий кровью своего народа, становится хозяином в Англии. Англичанин Кросби—весь в его власти и под его влиянием.

В повести убедительно показана власть доллара. Заводы в Ригене, оснащающие гитлеровскую армию, отныне под защитой англо-американского генералитета. Летчик Крауфорд, случайно сбросивший бомбы в районе города, переведен из бомбардировочной авиации с понижением, как офицер, нарушивший приказ. Сговор промышленников с командованием стоит жизни тысячам американских и английских солдат. В районе Ригена эти солдаты внезапно контратакованы и разгромлены лавиной немецких танков, вышедших прямо с заводов Гибсона и Кросби.

Среди погибших англичан—сын миссис Кросби от ее первого брака. Но мать подавляет ужас и возмущение,—рядом с нею мистер Гибсон. Он — полновластный хозяин и в доме своего компаньона...

Между тем, из случайной беседы сговор промышленников становится известен Тане Егоровой. Узнав об этом, Гибсон понимает, что здесь пределы его власти кончились: советская девушка не будет молчать. Он действует быстро и точно: вскоре Джен— «подруга» Тани, клявшаяся ей в любви, обязанная Тане жизнью,—предает ее в руки американцев. Таня схвачена и заключена теперь уже в американский концентрационный лагерь.

Здесь Тане предлагают подписать заявление о том, что она из политических соображений отказывается вернуться в Советский Союз и просит американские власти «обеспечить ей все свободы, гарантированные американской конституцией».

Издевательски звучат слова «свобода» и «конституция» в лагере, где колючая проволока заряжена электрическим током и на каждом углу—часовые! Советская девушка с иронией отвечает:

«— ... Насколько я поняла из ваших слов, концлагерь—это наиболее пригодное место для действия американской конституции, а я хочу остаться в сфере действия нашей Советской Конституции. Она меня больше устраивает...»

Получив отказ, шантажисты не унимаются: они подделывают подпись Тани под заявлением. Эти сцены в американском концлагере, как и лицемерные ответы сотрудника американского посольства майору Маркову на запрос о Тане, являются художественной иллюстрацией к тем фактам, которые не раз пред'являлись на международных конференциях советскими дипломатами, в частности, по вопросу о так называемых «перемещенных лицах».

Судьба героини завершается благополучно: девушке удается бежать из американского лагеря. Она добирается до Лондона, находит майора Маркова и рассказывает ему все. Освобожденная, она бросает в лицо семье Кросби и Гибсону бичующие слова о гнусности творимых ими дел.

Заключительная часть повести явно недоработана, излишне торопливо изложены в ней некоторые эпизоды.

Образы отрицательных персонажей — Гибсона, Кросби, Джен, Мари-Клер, со всей их отталкивающей моральной низостью, правдивы и выразительны. Чувствуется, что сила гнева и омерзения вела здесь руку писателя и помогла ему найти нужные слова и краски.

Бледнее образ Тани Егоровой; он подчас схематичен.

Повесть «Далекий фронт», увлекательная по фабуле, актуальная по теме, будет еще значительней, если в ней исправить эти недостатки. Но и сейчас она представляет собой важное явление в послевоенной украинской литературе. Главное, что отличает это произведение, — его боевой, наступательный дух. Повесть «Далекий фронт»—это снаряд, пущенный верной рукой в носителей растленной буржуазной морали и политического интриганства.

Вадим Собко. «Далекий фронт», повість. «Вітчизна», №№ 11 и 12, Київ. 1947.

В 1941 году на колхозных полях Шемонаихинского района Восточно-Казахстанской области (Казахская ССР) были обнаружены два колоса ржи с боковыми ответвлениями. В течение шести лет Алма-Атинский ботанический сад проводил работу по размножению семян этой ржи. В настоящее время на полях размножения ботанического сада растет на 800 квадратных метрах длинноколосая рожь и из отдельных участков выводится ветвистая рожь. НА СНИМКЕ: кандидат биологических наук Н. Бейсембаев на поле длинноколосовой ржи. Фото М. СКОРИНА (ТАСС).

ПРОДОЛЖАЕМ ОБСУЖДАТЬ

Как строить курс советской литературы

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В связи с опубликованием в «Литературной газете» (№ 46 от 1948 г.) статьи А. Дементьева и Е. Наумова «Как строить курс советской литературы», редакция получила большое количество писем от преподавателей литературы, учителей и учащихся.

«Тт. А. Дементьев и Е. Наумов безусловно правы, — пишет ассистент Крымского педагогического института т. Б. Перзеке.— К стыду наших литературоведов, до сих пор мы не имеем ни одного учебника по советской литературе для вузов, ни одной значительной монографии о творчестве крупнейших писателей. Мало того, программы по советской литературе не отвечают потребностям сегодняшнего дня».

Студент Киевского университета т. Волынский присоединяется к мнению авторов статьи, высказавшихся за отделение советской литературы от курса XX века дореволюционных лет. Он считает, что советская литература еще не заняла в школьном и вузовском преподавании должного места: «Совершенно ясно, что курс советской литературы не может быть прочитан за 6 час. в школе и за 60 час. в вузе».

Об этом же пишет и т. А. Андреев, преподаватель средней школы г. Комсомольска:

«Большинство из нас давно убедилось, что воспитательное значение лучших произведений советских писателей несравненно выше, чем произведений литературы прошлого. Порою начинает казаться, что программы и учебники составляют старички и старушки «доброго старого времени», не замечающие, что в «условиях Советской власти уже выросло новое поколение, которое начинает расправлять свои орлиные крылья» (В. Молотов).

А. Андреев рассказывает о том, как учителя-энтузиасты вынуждены ухищряться, чтобы путем различных дополнительных занятий увеличить количество часов для советской литературы.

В то же время читатели высказывают ряд критических замечаний по схеме курса советской литературы, предложенной тт. А. Дементьевым и Е. Наумовым.

Многие читатели отмечают, что авторы сузили постановку вопроса рамками русской литературы, не касаясь литератур братских народов. А, между тем, — пишет студент Московского библиотечного института И. Корнейчик,—многие наши студенты очень мало знают о литературах народов СССР.

Свое письмо в редакцию выпускник 126-й московской школы Ю. Шейнин начинает словами:

«Через несколько дней заканчиваются выпускные экзамены, и мне, расстающемуся скоро с родной школой, хочется сказать несколько слов об изучении советской литературы в средней школе».

Ю. Шейнин считает, что схема авторов статьи, выдерживая хронологическую последовательность, не раскрывает основных черт нашей литературы. Чтобы преодолеть эти недостатки, необходим всесторонний анализ творчества основоположников нашей литературы — А. М. Горького и Маяковского. «Мало просто указать на значение этих писателей, как это делается в нынешних учебниках. Нужно полно и широко раскрыть то огромное богатство идей, тем, образов, которые принесли в советскую литературу эти два замечательных советских писателя и гражданина».

Ю. Шейнин считает необходимым издание массовым тиражом высказываний классиков марксизма-ленинизма о литературе.

По мнению студента Крымского пединститута М. Выгона (Симферополь), проект программы А. Дементьева и Е. Наумова неполон. «Если в школьном курсе еще можно оставить предложенный авторами список советских писателей, то в программы для вузов, на мой взгляд, необходимо ввести характеристики творчества Ф. Гладкова, К. Тренева, Б. Горбатова, В. Василевской, В. Шишкова, А. Новикова-Прибоя».

А. Семенов (Москва) считает, что существующие программы несправедливо игнорируют новые жанры художественной литературы, особенно сильно развившиеся в наши дни—публицистика, очерк, фельетон. «Неужели очерки М. Шагинян или Б. Галина не являются художественными произведениями,—спрашивает он. — Так могут говорить только люди, все еще мечтающие об искусстве, оторванном от запросов жизни».

А. Семенов предлагает ввести в курс советской литературы разделы, посвященные музыке, живописи, театру, кино. Оканчивающие десятилетку должны знать историю советского искусства. Об этом же пишет Т. Волынский.

Некоторые читатели высказываются против структуры курса, предложенной для обсуждения. Почему только Д. Бедный представляет литературу гражданской войны? Почему ничего не говорится о творчестве Маяковского этих лет? Непонятно, почему творчество А. Толстого относится лишь к 30-м годам. Как можно забыть его деятельность в годы Отечественной войны? Почему забыто творчество Н. Тихонова в 30-х и 40-х годах?

Читатели отмечают, что поставленный на обсуждение вопрос не терпит отлагательства. Необходимо, чтобы к началу нового учебного года вузы и школы получили новые программы, отвечающие требованиям сегодняшнего дня.

Сергей ЛЬВОВ

Публицистическая лирика

3. О СТРАСТИ И БЕССТРАСТИИ *

Прямой и ясный язык, которым должна говорить публицистическая поэзия, отнюдь не означает упрощения, схематизма, сухости, стандартности поэтической формы, стремления разговаривать готовыми формулами, ибо это—вторая опасность для публицистической поэзии.

Слава воинству нашему, слава!
От Кремля до Памирских высот
Неприступна Советов Держава,
Непреклонен советский народ, —

начинает свое стихотворение о Советской Армии Михаил Голодный и заполняет двадцать четыре строки общими местами, восклицательными знаками (в среднем один восклицательный знак на четыре строки) и рифмами типа «знамен—времен, человек — вовек», словом, пишет так, как будто ему, а не Ухудшанскому продал Остап Бендер свое пособие для сочинения парадных стихотворений, од и тропарей!

Мы считаем, что возможны и совершенно простые стихи, плакатные в самом хорошем смысле этого слова, т. е. не осложненные никакими специальными приемами.

В этом убеждают нас многие эпиграммы С. Маршака.

Возможен и иной путь, когда идея стиха не будет выражена в такой плакатной форме, а будет решена в поэтическом образе. Но образ должен быть совершенно понятен. Он должен раскрывать, а не зашифровывать политический смысл стихотворения.

В хорошем цикле «Закарпатских стихов» Семена Гудзенко есть стихотворение «Корчевка», которое кончается так:

Пень
корнями вцепился в пласт,—
землю
он никому не отдаст!
Мы возьмем ее!
Мы сильней!
Мы закончим корчевку пней.
Но не завтра
и не на-днях —
полпланеты в корявых пнях.

Образ точно выражает идею стихотворения: неодолимость нового, которое приходит к победе, корчуя старое.

Поэтическая форма публицистических стихов должна удовлетворять единому главному требованию: «для внедрения идей коммунизма требуется страсть» (М. Калинин).

4. ТАКАЯ ПОЭЗИЯ ЕСТЬ!

Есть ли у нас такая публицистическая поэзия? Да, она есть.

«Парадом развернув своих страниц войска», стоят публицистические стихи советских поэтов, напечатанные в 1947/48 году.

Их много.

Тема коммунизма неразрывно связана в нашей публицистической поэзии с темой партии. Знаменательно, что первое свое по-настоящему значительное стихотворение талантливый поэт Александр Межиров написал именно на эту тему. Трудно и жаль пересказывать его, — его надо прочесть. Перекоп, прорванная на стройке плотина, сталинградский дом, — всюду, где по-настоящему трудно, — раздаются слова: «Коммунисты, вперед!».

Но повсюду,
Где скрещены трассы свинца,
Или там,
где кипенье великих работ,
Сквозь века,
на века,
навсегда,
до конца —
— Коммунисты, вперед! Коммунисты,
вперед!

«Я к вам приду в коммунистическое далеко», — писал Маяковский о коммунизме. «На ближних подступах» назвала свои стихи о коммунизме М. Алигер. Название найдено точно. Взятое из военного языка, оно выражает не только чувство приближения, но и сознание того, что оставшуюся часть пути нужно проходить с боем, нужно завоевывать. Это стихотворение написано о самом главном — о труде-творчестве советского человека и о той цели, которая освящает наш труд:

Ученик в ремесленной спецовке,
Что пришел к машине лишь вчера,
Учится расчету и сноровке,
Маленький, смекалистый и ловкий, —
У него особая примета:
Он в коммунистические лета
Вырастет в большие мастера.
И от непрестанного движенья
Воздуха, которым я дышу,
Все крепчает в сердце ощущенье:
Лучшее свое стихотворенье
Я при коммунизме напишу.

Музыка этого лучшего стихотворения, которое будет написано при коммунизме, уже угадывается в строках стихов, написанных на ближних подступах к нему.

К коммунизму ведут все дороги. И поэтому тема коммунизма у многих наших публицистических поэтов связана с темой наших друзей во всем мире. В стихотворении Семена Кирсанова «Товарищи» грек —солдат армии Маркоса склоняется над картой Китая, а боец Народно-освободительной армии Китая считает, «сколько миль осталось до Ларисы».

Все сильнее звучит в нашей поэзии гневная инвектива, брошенная в лицо мировой реакции. По страстности разоблачения, по накалу ненависти, по пафосу настоящего гражданского чувства цикл стихов М. Турсун-Заде, рожденный его поездкой в Индию, заставляет вспомнить зарубежные стихи Маяковского.

Об огромном и трудном пути советского человека, отвечающего за судьбы Родины и мира, сказано словами большой силы в посмертно опубликованном стихотворении А. Недогонова. Герой его стихотворения — имя ему легион — сражается под Мадридом в рядах республиканцев, падает на снег Финляндии, погибает, чтобы снова воскреснуть, ибо народ бессмертен!

Чувство настоящего интернационализма согревает лучшие публицистические стихи советских поэтов:

Ночами далекая рация
взывает к народам земли!
Китай,
Индонезия,
Греция —
в крови и кирпичной пыли.
Разбиты,
растоптаны,
выжжены
бедняцкие села в горах,
пылают рыбацкие хижины,
облавы в ночных городах.
И накрепко помнят недавнее
и прошлое нашей страны
все честные,
смелые,
славные
герои Народной войны.
И нам пожелания братские
походные рации шлют.
На всех языках
сталинградские
окопные песни поют!

Стихи наших поэтов о загранице согреты огромным чувством советского патриотизма. Недаром, описывая гнетущие противоречия индийской действительности, М. Турсун-Заде все время вспоминает чистый воздух Родины, слова о котором звучат лейтмотивом всего цикла.

Столь же естественно и закономерно это сочетание для второй части поэмы А. Недогонова «Флаг над сельсоветом», где мысли о судьбах мира закономерно приводят поэта к прославлению Родины:

Время суровое, в трубы столетий трубя,
входит солдатом на Красную площадь
Земли.
— Милая Родина! Сколько седин у тебя?
— Дети мои, сосчитайте в степях
ковыли.
— Милая Родина! Чем ты на свете
горда?
— Силою вашей и славою, дети мои.

— Как широка ты?
— Не видно моих берегов.
— Сколько стоять тебе?
— Долго. На веки веков.

Тема советского патриотизма, самая волнующая, самая главная, самая дорогая, не терпит штампов; властно и настоятельно требует она самых трепетных, самых неповторимых слов:

И хоть на запад и восток, ты знаешь,
Пейзаж все тот же—нива да сосна! —
Ты по ударам сердца различаешь,
Где наша, где чужая сторона.

М. Танк.

В стихах о Родине мало просто слов, в них должно слышаться биение сердца поэта.

В советской поэзии есть прекрасные традиции патриотической лирики, идущие от творчества Маяковского. Немало значительных произведений, посвященных великой теме социалистической Родины, создали наши поэты за годы войны. Просматривая стихи последнего времени, с сожалением убеждаешься, что наши поэты пока не много прибавили к тому, что уже создано советской патриотической лирикой.

* * *

Настоящая публицистическая поэзия — поэзия большой мысли, высокой страсти, простых слов — существует. Чем больше поэтов прикоснется к ее темам, чем больше поэтов последует примеру величайшего поэта нашей эпохи Маяковского, тем сильнее станет передняя линия огня советской литературы.

* ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО см. № 49.

Л. СКОРИНО

ДЕЛО ЧЕСТИ

Основная тема нового романа Анны Караваевой «Разбег», второй части задуманной писательницей трилогии «Родина»,— тема социалистического труда, формирующего человеческие характеры, создающего новые человеческие отношения.

Первый роман трилогии—«Огни», опубликованный в 1944 году, рисует начало войны — «великое переселение заводов» с юга на Урал, в Сибирь, «приживание» друг к другу северных и южных заводов, отпочкование новых, возникновение могучей оборонной промышленности. Меняются сознание миллионов людей, технические и житейские навыки, создается новаторская технология тысячников—«технология военного времени».

Второй роман — «Разбег» состоит из двух частей: «Весенний шум» и «Наступление». Время действия — 1942 год. Сталинградские дни. На фронт могучим потоком поступает советское оружие: танки, самолеты, артиллерия. В напряженнейшем труде формируется новое поколение рабочего класса. «Это юные люди, весенний шум, это будущее, которое борется вместе с нами». Роман «Кленовый дол», который завершит трилогию «Родина», охватывает период с 1943 года до конца войны. Действие перемещается с Урала в западные области России. Герои Анны Караваевой возвращаются в родной Кленовск, откуда изгнаны немцы, и начинают восстановление и переустройство города, разрушенного врагом. Советские люди выходят из военных испытаний и вступают в мирную эпоху «окрепшими, широкоплечими, закаленными». Таков конечный, будущий вывод трилогии Караваевой.

В романе «Разбег» писательница раскрывает этическое значение социалистического труда. А. Караваева показывает, как в трудовых подвигах формируются принципы высокой, чистой морали советского человека.

Герои романа — молодое поколение рабочего класса. Суровое военное время заставило молодежь встать в один ряд со взрослыми, рано возмужать: «Родина сказала этой зеленой молодежи: «Помоги, мне трудно!..» И они пошли, ибо эта война — война всех поколений». Молодые мастера оборонного завода — Игорь Чувилев, Соня Челищева, Толя Сунцов и другие возмужали не потому, что рано познали тяготы жизни, а потому, что ясно осознали свою личную ответственность за судьбу Родины.

Инструктор Чувилев еще делает заметки на дверях и тайком от друзей проверяет, не подрос ли? Его еще огорчает изумление, которое он видит в глазах ровесников-новичков: «Инструктор? Вот этот самый? Коротышка?» Но Игорь Чувилев настоящий, знающий мастер. У него не только «технический талант», но и талант понимания людей.

Чувилев сталкивается с однолеткой и тезкой, мальчуганом из Севастополя. Игорь Семенов потерял семью, его приютили матросы-севастопольцы. Вместе с ними он защищал город, был ранен. Игорь не любит завод, тяготится работой и собирается бежать с Урала «к себе на бастион».

Станки и агрегаты представляются мальчику «бесформенными тяжелыми нагромождениями металла», механический цех видится «пыльным, тесным и душным, как чулан». Игорь Чувилев понимает причину этого: севастополец «работе отдает только глаза да руки, а душой к ней холоден», — и сам юный, почти ребенок, Чувилев не только обучает ремеслу, но бережно формирует душу своего друга, раскрывая ему красоту и героику труда.

Горожанка Юля Шанина и колхозный парнишка Зятьев — оба вырваны войной из привычной жизни. Завод пугает их. «Я пашню люблю, — сознается Зятьев,— косовицу люблю и когда хлеб молотят. Зимой в лес ездить люблю на делянку»... Обоим кажется, что у них «ничего не выйдет», что они никогда не станут хозяевами машин.

Сталевар Нечипорук понимает, что его подручный Зятьев еще «не развернулся», что его еще «не встряхнуло». Мастер обращается к гордости, к душевной силе ученика:

«— А ну, подними заслонку, хлопче. А, уже бушевать начинает! Ну, есть у тебя охота такой вот бурей владеть?» Сталевар поручает ученику самостоятельно вести плавку, и успех рождает в Зятьеве уверенность в себе, в своих силах.

Писательница показывает, как в нашей стране повысились требования, пред'являемые обществом к отдельной личности, как углубилось представление о нравственном облике советского человека. Об этом говорит Караваева, противопоставляя комсомолке Соне Челищевой, организатору первой на заводе женской бригады электросварщиц, Ольгу Петровну Шанину, мещаночку, мечтающую о благополучном, спокойном существовании. На слова Шаниной, что она «честно живет», ибо «честно зарабатывает на хлеб», Соня отвечает: «О, вы думаете: жить — это только зарабатывать хлеб насущный, есть, пить, одеваться?»—«Ну, а что же, что же еще?»— «Нет, жить сейчас по-настоящему: честно жить — значит спасать Родину!»

Старый уральский мастер Никола Бочков оказался смещенным из сталеваров в подручные. На его место поставлен молодой сталевар Зятьев. Никола потрясен — ведь ему кажется, что он «честно трудился». Но в действительности он уже давно изменил своей рабочей чести, ибо отстал от жизни, работая с прохладцей, ни шатко, ни валко, зачастую не выполняя плана.

Никола ищет защиты у знатного сталевара Ланских, но тот отказывается ему помочь. «...Что мне защищать?—спрашивает Ланских.—...то, что ты честью своей рабочей пренебрег? Застой, в котором ты живешь... это защищать?»

В конце концов, Никола понимает, что «в рабочем классе недостаточно только пребывать... рабочий класс—это действие, разум, талант, сила...»

Нравственные принципы советских людей — могучее орудие ломки «старья», выкорчевывания пережитков буржуазного строя. «Там, где побеждает труд, там торжествует и нравственность...» — пишет Анна Караваева.

Безнравственен хозяйственник Тербенев, «Алешка-мыльный пузырь», как называют его сверстники. «Директивный умник», — говорит о нем парторг завода Пластунов. Это маленький индивидуалист, который думает только о себе. Отсюда и его боязнь новаторства, творческих поисков — Тербенев не хочет риска, это может повредить его карьере. Он выключился из общего трудового процесса и потому выпал из жизни.

Роман А. Караваевой портят звучащие в нем нотки доктринерской нравоучительности. Писательница, не доверяя логике развития образов и событий, вмешивается в повествование и стремится раз'яснить смысл происходящего. Этой цели, в частности, служит дневник парторга Пластунова, который писательница нередко превращает в рупор собственных идей. Так, убедительно раскрыв в ряде сцен ничтожество Тербенева, Анна Караваева, не удовлетворившись этим, дает разоблачительную запись Пластунова, переходящую затем в прямое авторское поучение: «...жажда личной славы ослепляет, а зависть, как чувство непроизводительное, опустошает. Нет, честолюбцы, завистники, эгоисты, искатели выгодной «кон'юнктуры», любители угождать начальству — нет, не вам открывать новые горизонты!»

Обращение к читателю, лирико-публицистические отступления сами по себе законны, более того, они естественны для нашей страстной, идейной литературы. Но введение их в ткань повествования должно быть оправдано. У А. Караваевой подобные отступления чаще всего являются авторским «перстом указующим» и поясняют события или характеры, и без того ясные. Здесь сказалось недоверие писательницы к самой себе, к своему материалу, основным достоинством которого как раз являются его жизненная правдивость и убедительность.

В годы Отечественной войны Анна Караваева, работая корреспондентом «Правды», об'ездила уральские заводы и накопила огромный запас наблюдений, которые и послужили основой трилогии «Родина».

Ценность ее романа—в изображении нового, молодого поколения рабочего класса, которое во время войны стало активной силой государства.

Анна Караваева. «Разбег». Роман. «Советский писатель». 1948 г. 438 стр.

ТАНКИ В БОЮ

В «Записках советского офицера» Г. Пенежко показана подлинная суровая правда первого этапа войны. Эта книга— убедительное документальное повествование, где за каждой строкой встают героизм и мужество советских воинов.

Хорошо нарисована в книге незаурядная фигура бригадного комиссара, ныне генерал-лейтенанта Попеля. Энергия в нем бьет ключом. Несмотря на исключительно тяжелую обстановку и ряд неудач в первые дни войны, он горячо верит в победу.

«Сегодня мы идем на восток, но вы запомните эти тропы, — говорит он своим воинам, — завтра мы проложим по ним на запад широкие дороги боевой славы нашего народа!»

Шаг за шагом описывает автор фронтовые будни своих героев и то, как они познавали сложную науку боя.

В начале войны наши танкисты, встречаясь с танками врага, немедленно вступали с ними в маневренный бой. Это были кавалерийские приемы боевых действий с той только разницей, что кони были стальные. Разумеется, такие бои причиняли немалый вред врагу, но подчас не меньшие потери несли и атакующие.

И вот однажды случилось так, что по приказу Попеля атаку немецких танков отбили с места, из засады, с большими потерями для них и весьма малыми для нас. Отбили, и сами удивились этому. Полковник Васильев тогда впервые понял, что он до сего времени плохо воевал, и пришел к горькому выводу:

«Да, если бы я все прежние атаки отражал с места, из засады, а не бросался противнику навстречу, у меня бы еще дивизия была укомплектована по штату».

Таких примеров из науки войны в книге описано немало.

Книга Г. Пенежко представляет несомненный интерес, но она могла бы быть еще лучше, если бы автор более тщательно обработал свои записки. Подчас они носят следы той поспешности, с которой автор в боевой суматохе, очевидно, записывал свои наблюдения.

Полковник В. БУЗИН

Г. Пенежко. «Записки советского офицера». Воениздат, 1947, 200 стр.

Евг. ГАБРИЛОВИЧ

Смерть фашизму!

Помню ноябрьскую холодную ночь, пятый месяц войны. В ту ночь на корреспондентской машине мы направлялись из Москвы на фронт. По Арбату шел на передовые позиции полк. Падал дождь, изредка мелькали тонкие лучи ручных регулировочных фонариков на перекрестках, полк шел мерным шагом без музыки, без песен, и два знамени предшествовали ему, развеваясь на холодном ветру.

Одно — полковое знамя. Другое — с надписью: «Смерть фашизму! Вперед—на Берлин!..»

Где только не видел я эту грозную надпись за годы войны! Я видел ее на деревянных щитах среди украинской земли, томимой зноем, от которого трещины шли по полям и дым пожарищ казался оранжевым, застревающим в складках одежды, как пыль. И на транспарантах среди виноградников Добруджи. И над развалинами Варшавы, где бронзовые клочья памятников лежали на тротуарах и где подошвы проложили среди битого кирпича извилистые, желтые тропы.

Смерть фашизму! Раздавить гадину, грозившую уничтожить свободу и демократию, поработить народы, погасить самую душу, самую мысль человека.

Смерть фашизму! Мир всему миру! За это сражались советские люди — и тогда, под Москвой, и в белую ночь на северо-западе, и в битве под Сталинградом, и во всех боях от Волги до Шпрее, в степях, лесах, песках, на болотах.

Вспоминаются последние дни войны. Берлин, Вильгельмсплац, сгоревший отель «Кайзергоф», огромный бетонированный бассейн с водой для тушения пожаров... Сквозь разбитую стену мы прошли в рейхсканцелярию. Узкий и длинный приемный зал, разукрашенный изображением мечей и факелов, лежал в развалинах. Многопудовая люстра свалилась вниз и расколола вдребезги огромный стол. Окна были забаррикадированы кирпичами, подушками стульями и тяжелыми старинными книгами в кожаных переплетах.

Справа виднелась стальная дверь — один из входов в подземную нору Гитлера. Слева, среди кучи брошенных эсэсовских мундиров, рыцарских и прочих орденских крестов, банок с консервами, патронных гильз, видна была дверь на балкон.

Это был тот самый балкон, откуда 22 июня 1941 года Гитлер прокричал свою речь, провозглашая поход на Восток и близкую победу над Советским Союзом.

Двое советских офицеров стояли тут, вглядываясь в дымившийся город. Да, это Берлин! Мы стояли на балконе, откуда пошла плясать по земле фашистская гадина.

Чтобы убить эту гадину, советские люди прошли весь путь до конца, до последнего сантиметра.

Последнее, завершающее воспоминание: Нюрнберг, здание суда и на скамье подсудимых — главные нацистские преступники. Приговор, звучащий не только как провозглашение кары, но и как предупреждение тем, кто осмелится пойти по их стопам.

Нюрнбергский процесс? Он закончился в 1946 году. А 1 июня 1948 года издающаяся в Бизонии по американской лицензии газета «Ди нейе цейтунг» помещает статью одного из основных защитников Геринга, некоего Зейдля, в которой этот «служитель Фемиды» осмеливается открыто утверждать, будто Нюрнбергский процесс вообще был незаконным «с правовой точки зрения».

Откуда взялся неслыханно-наглый тон этого «законника»-прохвоста? Откуда это чудовищное в своем откровенном цинизме и притом безнаказанное «академическое» глумление над точкой зрения всего прогрессивного и передового человечества?

Вглядитесь в то, что происходит сейчас в Западной Германии, и вы увидите, откуда идет и чем питается эта день ото дня растущая наглость и самоуверенность.

Вам, конечно, известно имя Гуго Стиннеса, представителя династии промышленных магнатов, поставивших Гитлера у власти. И вот 14 июня 1948 года Стиннес был **оправдан** дюссельдорфским судом по денацификации.

Вам довелось, вероятно, слышать и о Мессершмитте, конструкторе и ближайшем советнике Гитлера по делам авиации: он заплатил за свою вину 2 тысячи марок «штрафа» по приговору аугсбургского денацификационного суда и очутился на свободе с незапятнанной репутацией.

Если Стиннес, Мессершмитт и им подобные лица об'являются ни в чем неповинными людьми, то почему же, спрашивается, прохвосту Зейдлю не сделать попытку хотя бы задним числом реабилитировать своих подзащитных?!

Вот уже и небезызвестный Шахт, нацист и военный преступник, от собственного имени расточает похвалы политике Трумэна—Маршалла: «Западный мир движется целиком направо, — заявляет он,— за это я даю высочайшую оценку американской политике».

Нацист Шахт покровительственно похлопывает правительство Трумэна по плечу. Скандал? Пощечина? Плевок в лицо? Нимало. Соответствующая печать с удовлетворением отмечает столь приятную, поощрительную, дружескую аттестацию. А почему бы и нет? Ведь Шахту дано право обращаться со многими американскими политическими деятелями по-свойски: среди них у него немало близких знакомых, друзей, единомышленников. Эти друзья и покровители Шахта и спешат возможно быстрее завершить раскол Германии.

Несколько дней назад, 18 июня, они об'явили о проведении сепаратной денежной реформы в западных зонах оккупации Германии, причем новые деньги, уже метко прозванные «марками Клея», вступили в обращение.

Денежная реформа является продолжением провокационной раскольнической политики западных держав и, в первую очередь, США, политики сохранения немецких монополий при условии их подчинения американскому капиталу. Задачи и цели этого нового и, по определению демократической немецкой печати, «чудовищного злодеяния» оккупационных властей ясны. Реформа необходима им для завершения раскола Германии, для окончательного обособления западно-германского государства. По существу, этим односторонним актом межзональные границы уже превращены в границы между отдельными государствами.

Введение особой западно-германской валюты сулит немецкому народу новые лишения. «Хаос и страх идут по пятам денежной реформы в Западной Германии»,— пишет датская газета «Политикен». Даже в официальных заявлениях открыто говорится о массовой безработице. Сотни тысяч трудящихся Западной Германии в результате денежной реформы останутся без крова, без всяких средств к существованию!

Но какое до всего этого дело фашиствующей немецкой реакции и ее заокеанским покровителям и хозяевам! Важно лишь, что немецким монополиям реформа сыграет на-руку, а их капиталы останутся нетронутыми и смогут быть пущены в ход для возрождения западно-германской милитаристской машины.

Страх перед растущим возмущением немецкого народа, выступающего за единство Германии, заставляет местные правительства Западной Германии прибегать к жалким маневрам. Они заявляют, что «не ответственны» за проведение финансовой реформы и за ее последствия. Но ответственности не удастся избежать ни господам, ни их преданным слугам!

Американские монополисты, акулы с Уолл-стрита, темные дельцы, поддерживавшие даже во время войны тайные связи с гитлеровской Германией, сейчас делают все для того, чтобы вновь возродить фашизм и вновь пустить его гулять по миру, — на этот раз уже с кастетом американского образца в руках.

Так в центре Европы создается на базе западных зон Германии новый очаг агрессивного милитаризма, фашистский заповедник и плацдарм для всякого рода авантюр, направленных против миролюбивых и демократических стран.

* * *

Смерть фашизму! Этот боевой призыв неустанно и грозно звучал в сердце советского человека, как и в сердце всего передового и прогрессивного человечества, во время всех испытаний войны. Ошибаются, однако, те, кто думает, что сейчас этот призыв умолк, забыт или стал неактуальным. Смерть фашизму! — взывают и сейчас народы, стремящиеся к миру, прогрессу, демократии, к превращению всей земли в цветущий сад подлинной свободы, а не в дымящийся очаг новых войн и катастроф.

И в этой единодушной воле миролюбивых народов, в этом их стремлении полной грудью дышать воздухом истинной свободы—твердая гарантия того, что все разбойничьи планы американских монополистических хищников в конечном счете потерпят окончательный провал.

Военная администрация США в Германии приняла решение создать из числа бывших офицеров немецко-фашистской армии «американо-германский легион».

Рис. Бор. ЕФИМОВА

ДОЛЛАР И СВАСТИКА

Реплика господину де Гаспери

Итальянский премьер-министр де Гаспери, выступая 16 июня в парламенте, следующим образом высказался по нашему адресу:

«Литературная газета» опубликовала статью против меня. Поверенный в делах в Москве заявил протест, но эта газета, специализировавшаяся на выпадах против глав государств, не опубликовала сообщения (о протесте. — **Ред.**) и не прекратила своих выпадов».

Следует признать, что в этом заявлении не все вымышлено. Так, неоспоримо верно то, что в нашей газете от 10 января 1948 года была помещена статья, в которой содержалась достаточно ясная и правдивая характеристика итальянского премьера, вполне соответствующая — по нашему твердому убеждению — точке зрения всех честных и прогрессивно мыслящих людей на политическую деятельность де Гаспери.

Однако на этом соответствие заявления г-на де Гаспери истине — увы! — кончается. Ибо в номере «Литературной газеты» от 17 января на второй полосе был полностью напечатан тот самый протест итальянского поверенного в делах господина П. ля Терца, который, по заверению де Гаспери, якобы вообще не был нами опубликован.

Рискуя вновь навлечь на себя недовольство итальянского премьер-министра «выпадами против глав государств», мы считаем все же необходимым подчеркнуть, что своими заведомо лживыми утверждениями он сознательно пытается ввести в заблуждение общественное мнение своей страны.

В поисках выхода из того поистине более чем щекотливого положения, в которое он попал, де Гаспери может сделать попытку сослаться на свою «неосведомленность». В самом деле: ведь он даже не знает того, где издается «Литературная газета», и считает ее «петербургской газетой».

Но именно эта вскользь оброненная неточность, чуть ли не «обмолвка», как раз и выдает г-на де Гаспери с головой: итальянскому премьеру, может быть, и не обязательно знать, где выходит «Литературная газета», но он не вправе не знать того, что нет на карте нашей страны города «Петербург», а есть город Ленинград.

Как мы видим, источником «неосведомленности» г-на де Гаспери является прежде и раньше всего его воинствующая реакционность.

На следующий же день после выступления де Гаспери в парламенте газета «Ром дейли американ» удовлетворенно назвала кабинет де Гаспери «правительством плана Маршалла».

Всему миру ясно, какой ценой покупает мистер де Гаспери такого рода более чем сомнительные комплименты по своему адресу. Не должно удивлять поэтому и то, что, стараясь изо всех сил угодить своим американским хозяевам, де Гаспери прибегает к приемам, целиком заимствованным из арсенала патентованных заокеанских клеветников. Лакей просто копирует своих хозяев!

Ник. ПОГОДИН

Скандал в семье клеветников

Идея была, видимо, могучей, но недостаточно выношенной. А, может быть, и наоборот: вынашивалась она достаточно долго, но не являлась истинно могучей? Такого рода запоздалыми вопросами сейчас безуспешно и притом публично терзается глубоко озабоченная комиссия палаты представителей США. Больше того: в специальном докладе члены этой комиссии даже сочли необходимым предупредить государственный департамент, что они, возможно, вообще запретят радиопередачи «Голоса США», если коренным образом не будет улучшено «качество и достоверность» его радиопродукции!

Ведь вот какая неприятность! «Голос», оказывается, не звучит—даже на слух не очень строгих конгрессменов... Чего доброго, и в самой Америке он вызывает и возмущение и едкие насмешки. Да и как может быть иначе? Назвались голосом страны, рупором истины. Взялись поучать, наставлять, даже разоблачать. Претензия неслыханная! А на деле некий далеко не блещущий умом и находчивостью Георгий Георгиевич Ответов и его коллеги выдают себя за представителей американского народа, раз'ясняют, как живут американцы, и изо всех своих жалких силенок стараются привить чувство восхищения «американским образом жизни».

И вот такой пассаж! Мы не можем, разумеется, предположить, что комиссия палаты представителей ограничилась выражением неудовольствия лишь по адресу Георгия Георгиевича Ответова. О, нет: она—простите за откровенность—в сердцах нанесла пощечину не столько господину Ответову и его коллегам, сколько самому государственному департаменту и его главе — господину Маршаллу.

Это учреждение, состоящее сейчас, как известно, в большинстве из людей военных, то-есть, по меньшей мере, решительных, задалось целью просветить народы мира по всем вопросам бытия. Все на свете решил досконально об'яснить любой стране и притом в общедоступно-базарном стиле государственный департамент США.

Но это еще не все. Суть идеи состояла в том, что это будет голос рая. Но что такое рай? Миллионы людей в Америке вам скажут, не задумываясь, что они живут в аду. Негры уже не идут в счет. Им, по мнению реакции в США, попросту положен ад на этом свете. Тем не менее, важно было доказать, что при решительном, а, главное, смелом подходе к делу вполне удастся создать земной рай под руководством государственного департамента.

И вот тут, как говорится, «они как раз и погорели».

Вранье пресловутого «Голоса» носило такой залихватский характер, что это вызвало припадок раздражения даже у твердокаменных конгрессменов, обычно привыкших не оспаривать лжеца, если ложь идет на пользу бизнесу.

Американским радиовралям, например, ничего не стоило уверять, что рабочий в Соединенных Штатах, получая 50 долларов в неделю, в состоянии покупать в рассрочку роскошное издание Эдгара По и Шекспира, электрохолодильник, стиральную машину или даже автомобиль.

Переходя из области экономики в область текущей политики, информаторы из «Голоса США» авторитетно раз'ясняли всему миру, что советские оккупационные власти в Германии разрешили основать новую народно-демократическую партию с тем, чтобы таким путем «заманить все бывшие нацистские элементы в советской зоне». Совершенная бессмыслица и стопроцентный добротный идиотизм такого рода «об'яснений», разумеется, нимало не смущает американских «комментаторов».

Неумная и бессовестная ложь, грубая тенденциозность, которой по прямому указанию госдепартамента всецело проникнуты радиопередачи «Голоса США», — все это вывело из состояния спокойствия даже видавших виды конгрессменов. Даже эти ко многому привыкшие люди возмутились такой топорной работой! Если захотеть кратко сформулировать существо их недовольства, то сделать это можно следующими словами, адресованными пресловутому «Голосу»:

«Послушай, ври,—да знай же меру!» В этом, и только в этом, смысл «ревизии», которой подверглась радиодеятельность государственного департамента со стороны комиссии палаты представителей.

Разумеется, мы менее всего склонны некритически смешивать такие понятия, как «конгрессмен» и «джентльмен», во всяком случае, когда речь заходит о некоторых проблемах политики. Но мы не можем отрицать и того факта, что подавляющее большинство конгрессменов несомненно является бизнесменами. И в качестве таковых они опасаются, что слишком уж грубая ложь «Голоса США» не только не сулит никаких «прибылей», но может еще—чего доброго—принести американской реакции моральный и политический убыток!

А так как «бизнес» есть высший закон и для конгрессменов, то они оказались вынужденными сделать свое признание, хотя оно и скандально компрометирует государственный департамент.

Мы уже говорили о том, что члены комиссии палаты представителей рекомендуют «улучшить достоверность» передач «Голоса США».

Вся беда лишь в том, что достоверность нельзя подвергнуть такого рода «операции». Достоверность — это точность, это правда. А правду нельзя ни улучшить, ни ухудшить. Ее можно попросту добросовестно придерживаться. Но такого совета почему-то в рекомендациях комиссии мы не обнаружили.

Впрочем, в этом нет ничего удивительного. Господ конгрессменов привело в невеселое расположение духа не лишенное пикантности сообщение «Голоса США» о том, что «советские женщины моют голову пивом». По этому поводу они произнесли даже грозную тираду: «Трудно предположить, как такая бессмыслица может способствовать взаимопониманию между народами двух стран».

Но американская реакция, рупором которой является «Голос США», стремится отнюдь не к установлению взаимопонимания между советским и американским народами. Наоборот, она всячески старается разжечь вражду между ними, восстановить эти народы друг против друга. И если уж говорить откровенно, то весь сыр-бор как раз, видимо, и загорелся из-за того, что, по мнению американской реакции, государственный департамент слишком грубо, топорно, клеветнически-прямолинейно выполняет эту нелегкую и щекотливую задачу.

В Советском Союзе «Голос США» давно уже воспринимается, как провокационный и клеветнический голос, никакому взаимопониманию, конечно, не способствующий.

Дядюшка и племянник

По ближневосточным мотивам

Турецкая печать жалуется на недостаточность американской помощи, так как на содержание каждого посланного вместе с «помощью» американца Турция тратит в среднем 32 доллара в день.

Однажды, промотавшись в дым
И с грустью в будущее глядя,
Племянник повстречался с дядей...
С американским... не с родным.
И не успев еще ему отдать поклона,
Стал клянчить в долг у дяди, до поры.
Племянник был из Анкары,
А дядюшка из Вашингтона.
Но дядя молвит: — Нет!
Племяннику в ответ,
— Я, воробей, мол, стреляный и старый...
Ты на рахат-лукум проешь мои доллары,
Или пропьешь, истратив на шербет!
Я деньги тем даю, хотя я и богатый,
Кто мотовством, однако, не грешит.
Я— не Гарун, который аль Рашид,
Чтоб беднякам раздаривать дукаты!
Опять же, кто мне их отдаст назад?
Ты — парень продувной и, как я вижу, юркий...
А кто заплатит мне?
— Тебе заплатят турки! —
Племянник дядюшке ответил невпопад.
— Транжирством, дядюшка, меня ты не кори, —
Добавил тут же он, почтителен и кроток.
— Я, говорит, себе куплю подводных лодок
И самолетов штуки три...
— Что ж!— дядя говорит,—тогда я дать могу.
Но так как нет доверья между нами,
Я доллары тебе пришлю с опекунами —
Пускай следят, чтоб ты не промотал деньгу!
А также, милый мой, за деньгами моими
Следить они должны, но на твоих харчах!
Условья тяжкие... Однако, поворчав,
Племянник согласился с ними.
Но не прошло и полугода, как,
Спасенья собственного ради,
Письмо племянник пишет дяде:
«...Во первых, так сказать, строках...
Прошу немедленно приехать в Анкару,
Хотя бы просто так, из дружеского чувства...
Опекуны — здоровы, будь им пусто!
Но я вот из-за них наверное помру...
Не знаю просто, как и быть?
Мне—из-за ваших живоглотов
Не то что лодок или самолетов —
Турецких хлебцев не на что купить!
Все, что от вас я получил,
На них издержано... все им пошло в желудок —
От племенных быков и до газетных уток,
Которыми снабжает их Ялчин...»

———

От дядей хорошо лишь получать наследство,
А так на дядюшкины средства
Вполне рассчитывать нельзя!

Владимир СОЛОВЬЕВ

В. НИКОЛАЕВ

Живые борются

Живые борются! И живы только те,
Чье сердце предано возвышенной мечте,
Кто, цель прекрасную поставив пред собою,
К вершинам доблести идут крутой тропою
И, точно факел свой, в грядущее несут
Великую любовь или священный труд...

Эти замечательные строки стихотворения Гюго французский писатель-коммунист Жан Лаффит избрал в качестве эпиграфа к своей книге «Ceux qui vivent» — «Те, кто живут». Издательство иностранной литературы, выпустившее книгу в русском переводе, озаглавило ее словами эпиграфа «Живые борются», выразив тем самым в названии подлинный идейный смысл произведения.

Живые борются! Жить —для настоящего человека не значит только дышать, но действовать, бороться, отдавать все силы освобождению народа. Книга Жана Лаффита — искренний рассказ французского патриота, который принимал активное участие в движении Сопротивления и который испытал все ужасы фашистских концентрационных лагерей. Волнующая запись личных впечатлений Жана Лаффита превратилась в произведение большого значения. Перед читателем возникает правдивая картина героической борьбы французского народа, оживают образы людей с честными и мужественными сердцами.

Французские реакционеры пытаются сейчас исказить события и значение Сопротивления. Им хотелось бы вычеркнуть беззаветную, мужественную борьбу лучших людей Франции из истории страны. Но ее не уничтожишь ни злопыхательством, ни клеветой. Передовая литература в произведениях Арагона, Элюара, Эммануэля, Коньо запечатлевает героические деяния французского народа. Произведения этой литературы — правдивые и живые свидетельства, опровергающие ложь клеветников. Ценным вкладом в эту, имеющую большое значение, прогрессивную литературу Франции является и вышедшая в русском переводе книга Ж. Лаффита «Живые борются».

* * *

Париж. Трагический для Франции тысяча девятьсот сороковой год. Ноябрь. Мрачный, затихший город. Патрули завоевателей.

В первые же месяцы порабощения страны гитлеровцами французские коммунисты развернули борьбу с врагом. Со страниц «Юманите», в брошюрах и листовках компартия призывала к сопротивлению. Морис Торез и Жак Дюкло говорили народу:

«Франция, верная своему прошлому, не падет на колени перед кликой лакеев, готовых делать все, что им только прикажут. Ни разбитым наголову генералам, ни дельцам, ни прожженным политикам не поднять вновь Франции. Только народ способен осуществить великие чаяния национального и социального освобождения».

Жан Лаффит живо воссоздает активную деятельность коммунистической партии. В центре Парижа женщины проводят демонстрацию: ее вдохновители — коммунисты. Шахтеры из департамента Па-де-Кале бастуют: организаторы забастовки — коммунисты. Участники Сопротивления пускали под откос поезда с грузами для Германии, взрывали склады боеприпасов, забрасывали гранатами немецкие патрули.

Коммунисты были душой Сопротивления. Их угоняли в лагери, пытали и расстреливали. Место погибших занимали оставшиеся в живых, чтобы продолжать борьбу.

Арестована жена Лаффита — его ближайший друг. «Завтра, быть может, и меня арестуют, — пишет он, — но сегодня я еще борюсь в рядах своих товарищей, в наших общих рядах. Они хотят меня согнуть! Нас согнуть!

Мы согнем их!»

Коммунисты мужественно боролись и умирали с пением «Марсельезы». Погиб Габриэль Пери — один из самых славных сынов французского народа, погибли Декур, Полицер, Соломон, — тысячи рабочих, ученых, студентов, крестьян. Они были в рядах французской коммунистической партии.

Коммуниста Робера, которого долго продержали в Маутхаузене, внезапно отправили в Париж, где были его дом и семья. В лагере Эбензее он рассказал Лаффиту:

«Они привезли меня в Париж, думали, что выпытают у меня что-нибудь... В предместье Парижа поезд прошел мимо того дома, где живут моя мать, дети. Один из конвойных, вероятно, об этом знал, он как бы между прочим заметил:

— Вы можете с ними повидаться — это зависит только от вас.

Я даже бровью не повел. Они продержали меня почти четыре месяца, но я так и не повидал своих. Да иначе и быть не могло, верно, ведь? Лучше уж находиться здесь. Вчера меня вызвали в политический отдел лагеря. Опять пересчитали все ребра, но теперь я ко всему привык. Если со мной что-нибудь случится, передай нашим друзьям, что я ничего не сказал.

В подтверждение своих слов Робер распахивает куртку и показывает мне распухшее, истерзанное тело».

Тысячи замученных коммунистов, погибших ради освобождения своей родины и своего народа, — великое, неумирающее свидетельство мужества, благородства, бескорыстного и стойкого служения идее коммунизма. Образы этих людей воссоздает Жан Лаффит в своем произведении.

* * *

Первая часть книги озаглавлена «Париж», вторая и третья части — «Маутхаузен» и «Эбензее» — названия фашистских лагерей смерти, в которых находился Жан Лаффит.

Вот они — камни Маутхаузена, где каждый булыжник полит человеческой кровью, где каторжный труд — слишком устаревшее понятие для системы истязаний, осуществлявшейся в этих лагерях. Утонченные пытки над измученными узниками, пунктуально разработанные методы убийства людей. А вот убийцы: Ганс, прозванный тигром, и Бюнер-пантера, главные хищники лагеря, в ведении которых армия зверей в человеческом облике: Магнус, Лоренц, Карл, Цыган. Последний преображается, когда видит кровь: он убивает, смеясь, он все время смеется, его прозвали «человек, который смеется».

В условиях жесточайшего террора люди не падали духом, поддерживали друг друга, отдавали свой кусок хлеба ослабевшим, боролись за каждую человеческую жизнь. Вдохновителями этой борьбы в лагере были коммунисты. Организация французской коммунистической партии более года вела в лагере непрекращающуюся подпольную работу.

Был создан штаб, охватывавший различные национальные группы, штаб во главе с начальником — Иваном, в прошлом командиром Советской Армии, и его помощниками — чешским и югославским офицерами.

В книге Лаффита красною нитью проходит мысль о том, что настоящую помощь в борьбе за освобождение народы ждали только от Советского Союза. Лаффит приводит слова секретаря ЦК компартии Франции Жака Дюкло, который еще задолго до того, как СССР вступил в войну, заявил, что именно Советская Армия внесет решающий вклад в дело освобождения порабощенных народов.

Заключенные в лагере с трепетом следят за победами советских воинов, именно в них они видят своих освободителей и иронически говорят о союзниках.

Вот они делятся впечатлениями по поводу услышанной радостной новости о взятии Харькова.

«— А на западном фронте? — спрашивает кто-то.

— Западного фронта нет, — отрезает Симон.

— Позволь, а Италия?

— Ну и что же, что Италия? Даже если она капитулирует, поверь, ничего не изменится. Русские перейдут Вислу раньше, чем союзники перейдут Бреннер или Рейн. Пока немцы в России, западного фронта нет и не будет.

— Да, каждый это чувствует. И как бы он ни относился к России, он не может не признать, что именно там сейчас разыгрывается решающая битва...

Рано или поздно союзники десант высадят, но, видимо, они считают, что русских пока слишком мало перебито».

В последние дни разгрома фашистской Германии гитлеровцы уже говорили о будущем реванше, возлагая надежды на американскую буржуазию. Начальник лагеря эсэсовец Ганс, перед бегством из лагеря, пытался угрожать: «Война не кончена, когда-нибудь мы возобновим ее вместе с американцами против большевиков».

* * *

В современной французской литературе еще мало произведений, которые изображают коммунистическую партию Франции, ее борьбу. Книга Лаффита — одна из первых таких книг. Принятая хорошо французским читателем, она, несомненно, будет встречена с живым интересом и нашей советской общественностью.

Жан Лаффит. «Живые борются». Государственное издательство иностранной литературы. Москва. 1948.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ.
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.

«Литературная газета» выходит два раза в неделю: по средам и субботам.

Адрес редакции и издательства: ул. 25 Октября, 19 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 5-10-40, отделы: литературы и искусства — К 4-76-02, внутренней жизни — К 3-37-34, международной жизни — К 4-64-61, науки и техники и отдел писем — К 4-60 02, информации — К 3-19-30, издательство — К 4-28-63.

Типография имени И. И. Скворцова-Степанова, Москва, Пушкинская площадь, 5.

Б—02605.